

НОВЕЙШАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ТУРГЕНЕВЕ

(1945—1964)

Обзор Ю. Д. Левина

I

Впервые английские читатели услышали о Тургеневе более ста лет назад, в 1854 г., когда в лондонском «Fraser's Magazine» появилась статья «Фотографии русской жизни», в которой были помещены отрывки из очерков «Записок охотника»: «Хорь и Калиныч», «Два помещика», «Бурмистр» и «Певцы»¹. В это время в Англии оживился интерес к России в связи с Крымской войной. Стремясь опорочить своих противников, английская печать пыталась использовать для этого русскую литературу, в частности произведения Гоголя. С этой же целью было обращено внимание и на Тургенева. Но кроме критики крепостного права, в «Записках охотника» не было ничего такого, что могло быть использовано антирусской пропагандой. Поэтому после напечатания в 1855 г. в диккенсовском журнале «Household Words» сокращенных и тенденциозно озаглавленных переводов четырех рассказов Тургенева — «Бурмистр», «Петр Петрович Каратаев», «Льгов» и «Певцы»² и издания в Эдинбурге очень скверного перевода «Записок охотника» (под заглавием «Русская жизнь во внутренних областях страны, или Впечатления охотника») ³, Тургенев был забыт. К тому же с заключением мира интерес в Англии к русской тематике значительно ослабел.

В 60-е годы в английской печати появляются лишь краткие библиографические заметки о романах Тургенева, выходявших во французских переводах, и только в конце 60 — начале 70-х годов в Англии возникает заметный интерес к его творчеству, главным образом благодаря деятельности английского писателя, друга и переводчика Тургенева Вильяма Рольстона и профессора Петербургского университета, пропагандиста русской литературы в Англии Чарлза Тернера. Рольстон перевел «Дворянское гнездо», озаглавив перевод «Лиза» (1869) ⁴, Тернер перевел «Накануне» (1871) ⁵. Оба романа были приняты английской публикой восторженно. Рольстон и Тернер печатают статьи о творчестве Тургенева. В опубликованной анонимно в 1869 г. статье Тернера «Сочинения Ивана Сергеевича Тургенева» ⁶ ощутимо влияние критики Добролюбова и Писарева.

После этого кратковременного увлечения Тургеневым наступил спад интереса к нему, затем новый подъем: Англия с характерной для викторианской эпохи островной замкнутостью с трудом усваивала новое для нее иностранное литературное явление. Тем не менее известность в Англии автора «Отцов и детей» неуклонно возрастает.

Нередко это было обусловлено политическими обстоятельствами. Так, русско-турецкая война 1877—1878 гг. вызвала интерес к внутреннему

положению России, к движению народников и способствовала появлению английского перевода «Нови» ⁷. В конце 70 — начале 80-х годов в английских журналах печатаются статьи, рассматривающие романы Тургенева как источник информации о политической жизни России ⁸.

Известности Тургенева в Англии способствовали и личные его контакты с английскими литераторами и общественными деятелями, установленные во время визитов писателя в Англию. В разное время он встречался с Теккереем, Карлейлем, Льюисом, Джордж Элиот, Теннисоном, Робертом Браунингом, Данте Габриэлем Россетти, Суинберном, Джорджем Муром, Тrollopom, Безантом, Дизраэли, Маколеем и др. Возможно, что Тургенев был также знаком с Диккенсом, хотя точных сведений об этом нет. В 1879 г. Оксфордский университет присвоил Тургеневу почетную степень доктора гражданского права (Doctor of Civil Law). Он был первым в мире писателем-прозаиком, который удостоился этой чести ⁹.

Лишь в 80-е годы отчетливо проявляется внимание английской критики к Тургеневу как художнику и делаются попытки определить особенности его писательского мастерства. Воспринимавшееся вначале как разновидность французского натурализма искусство Тургенева со временем осмысливается как чисто русское, и его правдивость противопоставляется натурализму. В откликах английской печати на смерть Тургенева его называют «непревзойденным гением новейшей литературы» ¹⁰, «главой европейских романистов после Бальзака» и ставят в один ряд с Филдингом и Теккереем ¹¹. К этому времени слава Тургенева в Англии утвердилась неколебимо.

Иначе сложилось восприятие творчества Тургенева в Соединенных Штатах Америки. Здесь русского писателя узнали позже. Лишь в конце 60-х годов появился перевод «Отцов и детей», сделанный Юджином Скайлером ¹², который лично знал автора, а более или менее широкое знакомство с творчеством Тургенева относилось уже к 70-м годам. Поскольку между Россией и Соединенными Штатами существовали дружественные отношения, укрепившиеся благодаря продаже Аляски, восприятие тургеневского творчества здесь в отличие от Англии не осложнялось чисто политическими моментами. С другой стороны, определенное сходство общественной ситуации в России после отмены крепостного права и в Америке после уничтожения рабства негров привлекало внимание американского общества к русскому писателю, который в свое время поднял голос за освобождение крестьян. Тургенев ассоциировался с аболиционистами. Сопоставление «Записок охотника» и «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу, которая вышла отдельным изданием в том же 1852 г., стало в американской печати общим местом. (Попутно отметим, что в 1856 г. в Париже Тургенев был представлен Бичер-Стоу.)

Но особенно заинтересовал Тургенев американских писателей и критиков, искавших новых путей развития романа. Критик Томас Перри, посвятивший Тургеневу в 70-е годы семь статей и рецензий в журналах «Atlantic Monthly» и «The Nation», пропагандировал его искусство как последовательный реализм, достойный подражания американских писателей, ибо Тургенев, по утверждению Перри, не описывал жизнь, а воссоздавал ее. Популяризации творчества Тургенева в Америке много способствовали и писатели Генри Джеймс, Хьялмар Бойесен (Boyesen) — оба они лично знали его и переписывались с ним, — Вильям Дин Хоуэлс (Howells), учившийся у Тургенева объективности повествования и построению сюжета, и некоторые другие.

На рубеже XIX и XX веков слава и литературное влияние Тургенева достигают наибольшей силы и в Англии и в Америке. В 1894—1899 гг. английская переводчица Констанция Гарнет переводит все повествовательные сочинения Тургенева, которые издаются в виде 15-томного собрания ¹³.

FIRST LOVE
AND
PUNIN AND BABURIN.

BY
IVAN S. TURGENEV, D.C.L.

TRANSLATED FROM THE RUSSIAN, BY PERMISSION OF
THE AUTHOR,

WITH A BIOGRAPHICAL INTRODUCTION.

BY
SIDNEY JERROLD.

LONDON:
W. H. ALLEN & CO., 13 WATERLOO PLACE,
PALM MALL, S.W.

1884

(All rights reserved.)

«ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» И «ПУНИН И БАБУРИН». (ЛОНДОН, 1884)

Перевод и биографический очерк Сиднея Джеррольда

Фронтиспис и титульный лист

На фронтисписе воспроизведен портрет Тургенева (фотография Надара, 1878) с дарственной надписью (на французском языке): «Г-ну Сиднею Джеррольду дружески на память Ив. Тургенев. Париж 1883 г.»

Переводы Гарнет, неоднократно переиздававшиеся по обе стороны Атлантики, до сих пор остаются лучшим средством ознакомления стран английского языка с Тургеневым, несмотря на появление новых переводов.

Пристальное внимание в этот период к творчеству Тургенева не случайно. В эпоху империализма, когда обнаружился глубокий кризис буржуазной культуры, передовые писатели Запада обращались к гуманистической и демократической русской литературе в поисках опоры для своей борьбы с реакцией и декадентством. Как отмечает М. П. Алексеев, говоря о славе Тургенева в Англии и Америке на рубеже веков, «в нем искали опоры те старые и молодые писатели, которые старались найти выход из противоречий своего времени; он будил их критическую мысль, у Тургенева учились они напряженному интересу к правде жизни, любви к человеку, ненависти к жестокости, лицемерию и корысти»¹⁴.

Гиссинг, Джордж Мур, Голсуорси, Арнольд Беннет, Джозеф Конрад и Вирджиния Вульф в Англии, Генри Джеймс, Гоуэлс, Гарланд, Шервуд Андерсон и Хемингуэй в Америке были буквально захвачены глубоко человеческим искусством Тургенева, его художественным мастерством; некоторые из них испытали творческое воздействие русского писателя¹⁵. Джон Голсуорси не без остроумия заметил, что критики, именующие Тургенева «западником», «упускают из виду, что Запад не оказал на него такого влияния, как он на Запад». По мнению Голсуорси, английский роман «обязан Тургеневу более чем кому-либо тем внешним изяществом и пропорциональностью, которыми он обладает»¹⁶.

Попытку определить творческий импульс, воспринятый Западом от Тургенева, сделал Джон Бойнтон Пристли в своей книге «Литература и западный человек» (1960). Пристли пишет, что сила русского писателя состоит в умении «...не только изображать сложные живые характеры, но также (и в этом состоит его глубоко личный вклад в искусство прозы) мягко и в то же время уверенно управлять целыми группами людей, великолепно передавая их постоянно меняющиеся взаимоотношения. Его ум, скептический и ироничный, но притом всегда сочувственный, как бы скользя среди этих групп, подобно нерезкому лучу света, проясняя характеры и их отношения. Особенно это относится к центральным романам: „Рудину“, „Дворянскому гнезду“, „Накануне“, „Отцам и детям“, опубликованным между 1856 и 1862 гг. Они вскоре оказали значительное влияние на литературы Западной Европы, особенно Франции и Англии... К этим центральным романам нужно добавить лучшие из его повестей, более поэтичных, чем романы, и рассказов (вроде „Степного короля Лира“) и очаровательные „Записки охотника“ и еще пьесу „Месяц в деревне“, которая и сама по себе хороша, да еще продвинула вперед развитие новой драмы. И тогда мы увидим, что его наследие обладает и внушительным объемом и искусным выполнением»¹⁷.

Для широких кругов западных читателей открытие русской литературы произошло во многом благодаря Тургеневу. «Тургенев был первым русским писателем, которого читали и которым восхищались в Западной Европе», — отмечает «Энциклопедия Британника»¹⁸, отражая распространенное в странах английского языка мнение. Ту же мысль совсем недавно повторил американский профессор, специалист по русской литературе Марк Слоним. «Тургенев, — пишет он, — был первым русским писателем, завоевавшим широкую аудиторию за пределами своей страны. Он действительно представил русскую литературу Европе и Америке, которые благодаря ему открыли с восхищением оригинальность русского гения»¹⁹. Свою известность Тургенев продолжает сохранять и поныне. Ежегодно издаются переводы его произведений²⁰. В 1949 г. в Лондоне, в 1956 и 1963 гг. в Нью-Йорке ставился «Месяц в деревне», пользовавшийся огромным успехом у публики²¹.

Однако Тургенев давно уже перестал быть здесь единственным известным русским писателем. Более того, с расширением познаний англичан и американцев о русской литературе, с появлением переводов произведений Толстого, Достоевского, а затем и Чехова, слава Тургенева начала понемногу меркнуть.

Широкий охват жизни в произведениях Толстого заставил признать определенную ограниченность Тургенева, а рядом с Достоевским он стал казаться слишком спокойным и даже поверхностным. Появились сторонники каждого из названных писателей, стремившиеся использовать авторитет одного для «сокрушения» других. В этой борьбе Тургенев оказался побежденным. В XX в., особенно в последние десятилетия, из русских классических писателей он занимает в Англии и Америке по популярности в лучшем случае третье место.

Статистика в этом отношении достаточно показательна. По данным Сирила Брайнера, в каталоге Библиотеки Конгресса в Вашингтоне за период 1937—1958 гг. числятся 27 переводных изданий Тургенева, 34 — Толстого и 52 — Достоевского²². Подсчитывая издания произведений этих же писателей в английских переводах за послевоенный период 1945—1960 гг. мы получили следующие цифры: Тургенев — 49 названий, Толстой — 60, Достоевский — 83²³. Еще большее различие обнаруживается в интенсивности изучения названных писателей. За тот же период на английском языке вышло книг, посвященных Тургеневу (включая мемуары), — 5, Толстому в четыре раза больше — 19, Достоевскому — в семь раз больше — 34.

RUSSIAN LIFE

IN THE INTERIOR

THE EXPERIENCES OF A SPORTSMAN.

BY IVAN TOURGHENIEFF
OF MOSCOW.

EDITED BY
JAMES D. MEIKLEJOHN.

EDINBURGH:
ADAM AND CHARLES BLACK, NORTH BRIDGE.

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА». ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(ЭДИНБУРГ, 1855)

Обложка и титульный лист

Особенным «гонениям» Тургенев подвергался в 20—30-е годы нашего века. Переводы его произведений почти не издавались. Выражались сомнения в достоверности созданной им картины русской жизни. Некоторые критики объясняли его былую популярность на Западе тем, что он будто бы «менее русский», чем Толстой и Достоевский. Иные говорили об узости искусства Тургенева, недостатке психологической глубины. Нападкам подвергалась даже отточенность тургеневского стиля: утверждали, что он слишком гладок, лишен одухотворенности и т. д.

«Когда-то Тургенев был богом,— так говорят, по крайней мере. Но теперь время его прошло; пора его миновала. Его обаяние, его искусство отнесены уже ко второму разряду»,— мрачно резюмировал в 1945 г. английский критик Ноэль Эннен²⁴.

Но еще в 1933 г. в защиту Тургенева выступила известная английская романистка Вирджиния Вульф, которая в статье «Романы Тургенева»²⁵ показала неоправданность противопоставления Тургенева, Толстого и Достоевского. Краткость и ясность Тургенева, доказывала Вульф,— следствия его мастерства, а не бедности. Отмечала она и поэтичность русского писателя. Тем не менее, Вульф считала тургеневский реализм ограниченным.

Были в Англии и Америке в эти годы и восторженные поклонники Тургенева. В 1924 г., например, английский критик Френк Гаррис назвал Базарова таким же значительным литературным героем, как Гамлет и

Дон-Кихот²⁶. В 40-е годы, во время второй мировой войны, эту мысль развил американский писатель Синклер Льюис в предисловии к изданию перевода «Отцов и детей», где он утверждал, что Базаров «навсегда останется прототипом всех молодых радикалов и новаторов всех веков». Синклер Льюис писал, что в его представлении роман Тургенева «столь же современен, как пьеса О'Неила или роман Хемингуэя. История Базарова и в 1943 г., как и в 1862 г., когда она была опубликована, проливает свет на загадку человеческого существования, всегда чарующую и трудноразрешимую. Базаров называет себя „нигилистом“. Назовите его коммунистом, или сюрреалистом, или биофизиком, дайте ему сигареты вместо сигар и автомашину вместо почтовой кареты, в которой он мчится на свидание со своей задумчивой и изящной возлюбленной, Анной Сергеевной, и вы не обнаружите ничего устаревшего или наивного в горении его сердца и бунте его ума. Его имя одно из немногих в литературе, которое продолжает жить, как Дон-Кихот, Микобер, Шерлок Холмс, более бессмертные, чем, за небольшим исключением, все исторические личности»²⁷.

А Эрнест Хемингуэй, отвечая на вопрос одного начинающего писателя, что ему читать, назвал отдельные произведения двух десятков авторов и всего Тургенева²⁸.

В своей книге «Литература и западный человек» Пристли выразил уверенность, что, хотя «Тургенев вышел из моды, он еще вернется, как все оригинальные художники»²⁹. Еще раньше то же мнение высказал и Синклер Льюис в предисловии к «Отцам и детям». А Марк Слоним в цитированной выше статье «Новая встреча с Тургеневым» утверждает, что в период после второй мировой войны наблюдается медленный, но неуклонный рост интереса к автору «Отцов и детей». Время показало, — отмечает Слоним, — несостоятельность критических нападок, которым он подвергался. «Тургенев возвращается в Пантеон мировой литературы не из-за попустительства, но благодаря своим заслугам. Его непреходящие достоинства рассказчика, художника русской жизни и русского характера, несравненного аналитика любви более очевидны нам сегодня, чем довоенному поколению. Он останется любимым писателем в грядущие годы...», — заканчивает Слоним свою статью³⁰.

II

Изучение жизни и творчества Тургенева в Англии и Америке началось сравнительно поздно, позже, например, чем во Франции или Германии. Последнее время это изучение стало более интенсивным, что вызвано, пожалуй, не столько усилением интереса к самому Тургеневу, сколько вообще развитием русистики в западных странах после второй мировой войны³¹. Ни в Англии, ни в Америке не появилось еще монографического исследования, рассматривающего жизнь и творчество русского писателя в их единстве, подобно капитальному труду французского ученого Анри Гранжара «Иван Тургенев и политические и социальные течения его времени» (1954)³², хотя попытка в этом направлении была предпринята еще в 20-е годы нашего века, когда американский славист, выходец из России, Аврам Ярмолинский выпустил монографию «Тургенев. Человек, его творчество и его время» (1926)³³, — первую из своих книг, посвященных популяризации русской литературы.

Книга Ярмолинского явилась важной вехой в изучении Тургенева в странах английского языка. Это обширная монография (около 400 стр.), основанная на тщательном изучении большого количества исторических и историко-литературных материалов, на точном знании фактов жизни Тургенева и его современников. Как писал сам автор, он использовал сотни источников, в том числе и многие не опубликованные в то время материалы,

с которыми ему удалось познакомиться в библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда, Орла и Парижа.

Подробно и обстоятельно, шаг за шагом излагал Ярмолинский жизненный путь писателя, детально рассматривая его взаимоотношения с родными, друзьями и современниками. Жизнь Тургенева показана на фоне широкой картины его эпохи. Правда, изложение социальных условий современной Тургеневу России может показаться подчас слишком популярным, но это оправдано, если учесть малую осведомленность в этом вопросе читателей, на которых была рассчитана книга Ярмолинского.

Вообще книга написана живо; по характеру изложения ее можно даже сравнить с биографическими романами Андре Моруа. (Небезынтересно заметить, что сам Моруа написал свою книгу о Тургеневе в 1931 г. на основании монографии Ярмолинского, которая имела большое значение для популяризации на Западе биографии Тургенева.) Но образ писателя, созданный на ее страницах, вызывает серьезные возражения и заставляет даже усомниться в ее полезности. Ярмолинский представил Тургенева мало привлекательным, раздражительным, капризным и бесхарактерным ипохондриком, который тяготится жизнью и влачит унылое существование на краю чужого семейного гнезда. Изложение перегружено несущественными мелочами личной жизни писателя, которые, выдвинутые на передний план, искажают его облик. Ярмолинский «болтливо анекдотичен», как не без основания заметил один рецензент³⁴. Он старательно выискивает действительные и мнимые слабости Тургенева, о которых говорит в неуместном ироническом и снисходительном тоне, не упуская случая «обличить» писателя в лицемерии, слабохарактерности и прочих грехах.

Несмотря на многообещающее заглавие, книга Ярмолинского по существу является только биографией. О творчестве Тургенева говорится мало и поверхностно. Автор лишь пересказывает содержание произведений, выявляет заключенные в них автобиографические элементы и почти не раскрывает их идейного и художественного значения. Краткость его при этом поразительна. Достаточно сказать, что роману «Накануне», например, уделяется втрое меньше места, чем конфликту Тургенева и Гончарова, возникшему после опубликования этого романа.

Основной же порок книги Ярмолинского состоит в том, что созданный в ней образ Тургенева не связан с творчеством и не может объяснить его. В слабом человеке, угнетаемом поочередно то деспотичной матерью, то Полиной Виардо, запутавшемся в своих конфликтах с современниками, нельзя обнаружить той творческой силы, благодаря которой он стал великим писателем. Поэтому в изложении Ярмолинского и жизненный путь Тургенева в сущности характеризуется лишь внешне, — подлинной внутренней, духовной биографии не получилось.

Мы бы не уделяли столько внимания книге, вышедшей сорок лет назад, если бы она не продолжала и поныне играть важную роль в ознакомлении англо-американских читателей с Тургеневым. Некоторые исследователи до сих пор считают ее «нормативной» («the definitive one»³⁵) и «образцовой» («a standard work»³⁶). В 1959 г. она была переиздана³⁷. При переиздании автор доработал монографию с учетом новых материалов, опубликованных со времени выхода первого издания, добавил хронологическую таблицу и библиографическую справку, но существо книги от этого не изменилось.

Характерно, что именно у Ярмолинского заимствовал сведения для главы о Тургеневе Майрик Лэнд, автор недавно вышедшей книги с сенсационным заглавием: «Изыскное искусство литературного членовредительства. Живая повесть об известных писателях и их распрах»³⁸. В книге тщательно собраны сплетни о писателях более, чем за два века. В ней смакуются в подробностях раздоры Сэмюэля Джонсона и графа Честерфилда,

Диккенса и Теккерей, Хемингуэя и Шервуда Андерсона и многих других. Глава о Тургеневе названа: «„Я попрошу вас позабыть о моем существовании“»³⁹, — кричит кроткий Иван Тургенев». Она посвящена главным образом конфликту с Достоевским. Однако для «полноты картины» автор излагает еще ссоры с Толстым и Гончаровым (который назван параноиком). Творчество этих писателей занимает Лэнда лишь в той мере, в какой оно связано с их столкновениями (обвинения Гончарова по поводу «Дворянского гнезда» и «Накануне», сатира на Тургенева в «Бесах» и т. п.). Общественное и художественное значение их произведений его не интересует, да и представление об этом он имеет весьма смутное. О «Записках охотника», например, он смог лишь сказать, что это «милые рассказы» («pleasant little sketches»). И самые ссоры писателей, лишенные идейного осмысления, выглядят как столкновения мелких уязвленных самолюбий. Таково логическое развитие недостатков книги Ярмолинского. Недаром Лэнд не только черпал из нее материал, но и консультировался с автором.

Аналогичные недостатки в известной мере присущи и другой биографии Тургенева на английском языке, выпедшей уже в рассматриваемый период и принадлежащей перу Дэвида Магаршака⁴⁰. Д. Магаршак много лет занимается изучением русской культуры. К работе над Тургеневым он приступил после того, как им были написаны биографии Чехова и Станиславского, исследование о драматургии Чехова, а также переведен ряд произведений русских классиков. Новая биография Тургенева тоже написана подробно и обстоятельно (объем книги — более 320 стр.) с привлечением значительного количества историко-литературных материалов, опубликованных на русском, французском, английском и немецком языках.

Магаршак даже имеет одно существенное преимущество перед Ярмолинским: рассказывая о жизни, интересах, переживаниях Тургенева, о его взаимоотношениях с окружающими людьми, автор создает несомненно приятный и обаятельный образ писателя; характеристика душевного склада Тургенева, данная Магаршаком, не лишена тонкости и наблюдательности.

Книга хорошо и со вкусом иллюстрирована портретами Тургенева (среди них малоизвестный портрет его в возрасте 12 лет), его родителей, друзей и современников, видами мест, где жил писатель, и его рисунками. В конце приложена библиография произведений Тургенева и основной литературы о нем. Читается новая биография с интересом, и она принесла несомненную пользу делу популяризации Тургенева.

И все же книга Магаршака тоже представляется нам неудачной. Свою задачу автор понял слишком узко; для него биография — это главным образом интимная частная жизнь. Еще Р. Гетман, критикуя книгу Ярмолинского, писал: «Невнимание к произведениям писателя или художника само по себе плохо, но в случае с Тургеневым оно особенно пагубно»⁴¹. Но именно такой подход отличает биографию, написанную Магаршаком. Из нее можно узнать о всех любовных увлечениях Тургенева, даже чуть ли не о всех приступах подагры, которой он страдал, но его творчество характеризуется бегло и порой невнятно, причем общественное значение того или иного произведения часто игнорируется. Так, например, говоря о «Рудине», автор интересуется лишь тем, насколько образ главного героя романа соответствовал своему прототипу — М. А. Бакунину; так же ограниченно рассматривается и «Накануне». Указывая, что расхождение Тургенева с «Современником» в связи со статьей Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» было «одной из величайших литературных сенсаций того времени», Магаршак, однако, не раскрывает с достаточной полнотой идейной основы этого конфликта. Вообще конфликты Тургенева с совре-

АНГЛИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ БАСЕН
И. А. КРЫЛОВА В ПЕРЕВОДЕ
УИЛЬЯМА РОЛЬСТОНА С ПРЕДИ-
СЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
ПЕРЕВОДЧИКА (ЛОНДОН, 1869)

Обложка с дарственной надписью
Рольстона А. Ф. Онегину

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Рецензия Тургенева на этот перевод
Рольстона была опубликована в журна-
ле «The Academy», 15 июля 1871 г.

*To Alexander Olegovich
Bell He Kri洛夫 and kind regards
to his friend the translator*

KRILOF AND HIS

FABLES

By W. R. S. RALSTON, M.A.

127, NEW BOND STREET, LONDON.

STRAHAN AND CO. PUBLISHERS

15, LUDGATE HILL, LONDON.

менными ему писателями — Толстым, Гончаровым и, особенно, с Досто-
евским — изображаются скорее как столкновение различных характеров,
индивидуальных темпераментов, нежели как выражение общественных
противоречий.

Неудовлетворительно освещена духовная эволюция писателя. Идеи-
ные и творческие кризисы и переломы в жизни Тургенева объясняются одно-
сторонне в сугубо личном бытовом плане. Например, причиной разочаро-
вания молодого писателя в гегелевской философии автор считает разрыв
с Татьяной Бакуниной, а душевный кризис, пережитый Тургеневым
в 1857 г., который привел его к временному отказу от дальнейшей лите-
ратурной деятельности, объясняется почти исключительно осложнениями
в личных отношениях писателя с Полиной Виардо.

Тургенев, как известно, говорил, что его биография заключена в его
произведениях, имея в виду ту простую истину, что жизнь писателя — это
прежде всего его творчество. Магаршак же понял это указание буквально
и попытался на основании произведений Тургенева воссоздать его интим-
ную личную жизнь. Всякий раз, когда у него не хватало фактических све-
дений о том, как переживал Тургенев то или иное событие, он извлекал
недостающий материал из произведений писателя. Он, например, цити-
рует страницами диалоги Ракитина и Натальи Петровны из «Месяца в де-
ревне», выдавая их как бы за протокольную запись разговоров Тургенева
с Полиной Виардо. Что же касается идейного и эстетического значения
«Месяца в деревне», то оно остается нераскрытым. Подобным же образом
Магаршак поступает и с такими произведениями, как «Фауст», «Ася»,
«Песнь торжествующей любви» и др.⁴²

Серьезные возражения вызывает и образ Полины Виардо, как он пред-
ставлен в книге Магаршака. Автор не скрывает своей враждебности к ней
и изображает ее неким злым гением Тургенева. В изложении Магаршака
пропадает великая артистка и остается эгоистичная, расчетливая, каприз-

ная и деспотичная женщина. Тем самым искажается и образ Тургенева, потому что его любовь предстает как лишенная духовной основы, фатальная, логически необъяснимая и унижительная страсть, отравившая всю его жизнь. В этом отношении характерно, что к числу произведений, будто бы отразивших отношения Тургенева и Виардо, Магаршак причисляет и повесть «Петушков» — о любви незадачливого поручика к булочнице.

Справедливую оценку книги Магаршака дал английский критик Генри Гиффорд, который писал в рецензии, что «...Магаршак, несмотря на все свое знание русского языка и русских обычаев, по сути дела не проник глубоко в свою тему. Он не понял ее духовной стороны; не овладел идеями, характерными для того времени. Таким образом, нам дается серия анекдотов — все, правда, подлинные и достоверно изложенные, — но не жизнь Тургенева, которая неизбежно должна быть отчасти также жизнью его эпохи» ⁴³.

Стремление Магаршака популяризировать личность Тургенева побудило его перевести ранее не издававшиеся на английском языке «Литературные и житейские воспоминания» писателя. Вышедший в свет в 1958 г. этот перевод был снабжен пояснительным введением, в котором переводчик сообщал сведения, необходимые для понимания тургеневских мемуаров, и обширным очерком Эдмунда Вильсона «Тургенев и капля жизни» ⁴⁴. Очерк Вильсона первоначально в более кратком виде был напечатан за год до этого в американском журнале «The New Yorker» ⁴⁵. Аллегорическое его заглавие основано на сказке Тургенева «Капля жизни» о мальчике, добывшем каплю чудодейственной живой воды и научившемся «исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи» ⁴⁶. В статье Тургенев уподобляется герою сказки.

Вильсон задался целью дать новую интерпретацию психологического облика Тургенева, связать личный характер писателя, как он был сформирован обстоятельствами его жизни, с его творчеством. Вильсон владеет русским языком (достоинство, которым, кстати сказать, обладают далеко не все зарубежные исследователи русской литературы), и он имел возможность читать произведения Тургенева в оригинале и привлекать многие материалы, доступные только по-русски. Однако в основном он опирался на биографию, написанную Магаршаком, и на переведенные на английский язык воспоминания В. Н. Житовой о семье Тургенева.

Небезынтересна судьба этих воспоминаний. Житова — внебрачная дочь матери Тургенева, которую последняя выдавала за свою «воспитанницу». Воспоминания Житовой, описывающие невыносимую домашнюю обстановку, в которой рос будущий писатель, были опубликованы в 1884 г. в «Вестнике Европы» и заняли весьма скромное место в богатой мемуарной литературе о нем ⁴⁷. Между тем это единственные воспоминания о Тургеневе, которые были полностью переведены на английский язык и дважды изданы — в Лондоне и Нью-Йорке ⁴⁸. Несомненно, что такое внимание к воспоминаниям, в которых, в отличие от других мемуаров, достаточно полно характеризуется мать писателя, связано с интересом западных литературоведов к теориям психоанализа.

Но вернемся к статье Вильсона. Автор ее отказался от прежнего представления, будто бы характер Тургенева был сломлен деспотизмом сперва его матери, а затем Полины Виардо, что писатель был лишен силы воли и т. д. Напротив, нравственное единоборство с матерью очистило его и подготовило к будущей борьбе с социальным злом, с крепостничеством, наиболее отвратительные черты которого воплотила в себе Варвара Петровна (не случайно образы жестоких крепостников у Тургенева генетически восходят к его матери). Согласно Вильсону, конфликт с матерью был для Тургенева своего рода социально-этической школой: «... его (Тургенева. — Ю. Л.) чувство справедливости, великодушие, инстинктивное стремление

видеть предметы в их истинной пропорции как бы приобрели в доме Варвары Петровны особое упорство, сталкиваясь с несправедливостью, мстительностью и возмутительными претензиями»⁴⁹.

Концепция Вильсона страдает односторонностью: он, несомненно, преувеличивает роль матери Тургенева в формировании его характера и недооценивает другие факторы, в частности общественные. Он считает, что мать была основной причиной борьбы писателя с крепостным правом, что в конфликте с ней он познал всю гамму человеческих эмоций и т. п. Но важно то, что Вильсон не изображает уже Тургенева безвольным человеком. Напротив, он считает, что, стремясь всю жизнь «помочь России познать самое себя», Тургенев был «поистине героичен», что творчеству его присущи целостность и единство⁵⁰.

Вильсон пишет о художественном новаторстве Тургенева, который впервые в европейской литературе сумел осуществить в своих произведениях социальную критику средствами объективного повествования, без прямой морализации. Вильсон допускает определенную схематизацию и натяжки, когда пытается наметить основные темы Тургенева и связать их с его жизненным опытом (*personal experience*). В заключение нельзя не отметить, что автор допустил в своей статье ряд антисоветских выпадов и тенденциозных положений, представляющих собою дань политике «холодной войны».

Характерное для буржуазного литературоведения стремление вывести отличительные черты творчества Тургенева из особенностей его психического склада, который, в свою очередь, объясняется узко биографическими обстоятельствами, нередко встречается в посвященных ему главах в общих трудах по истории русской литературы. Примеры этого можно обнаружить в книгах упоминавшегося уже выше Марка Слонима «Эпос русской литературы» (1950) и «Очерк русской литературы» (1958)⁵¹. Нельзя сказать, чтобы автор игнорировал общественную обстановку, в которой жил и творил писатель; он уделяет ей место и внимание. Но итоговый его вывод таков: «Темы и художественная манера Тургенева, включая его интерес к слабым мужчинам и сильным женщинам, не объяснимы социологически, они глубоко коренятся в его личности. Он сам был довольно слаб и схож со своими несчастными героями». И далее следуют уже известные нам, кочующие из одной работы в другую рассуждения о деспотической матери писателя, о Полине Виардо и т. д.

Близкой точки зрения придерживается и Елена Мучник — тоже американский профессор — в своем «Введении в русскую литературу» (1947)⁵².

На этом фоне выгодно выделяется глава о Тургеневе в книге английского ученого, словенца по происхождению, Янко Лаврина «От Пушкина до Маяковского. Исследование эволюции литературы» (1948)⁵³. Лаврин отмечает глубокий интерес Тургенева к социальным и политическим проблемам и показывает связь его произведений с современной им общественной борьбой. Меланхолический тон, мотивы обреченности в творчестве автора «Отцов и детей» Лаврин объясняет не столько особенностями его характера (хотя он и говорит об этом), сколько его связью с исторически обреченным, уходящим в прошлое классом.

Краткие биографические очерки, посвященные Тургеневу, можно встретить в разных англо-американских изданиях. В книге Беатрис Сондерс «Портреты гения» (1959)⁵⁴, где рассказывается об одном французском, семнадцати английских и четырех русских писателях, очерк довольно пуст и неинтересен. Более содержателен очерк в книге Ричарда Хайра «Портреты русских деятелей между реформой и революцией» (1959)⁵⁵. Цель автора — охарактеризовать людей, способствовавших формированию общественного мнения в России. В книге содержатся пятнадцать очерков

о русских политических и общественных деятелях разных направлений, писателях и мыслителях. Характеризуя Тургенева, автор рассматривает зависимость его творчества от острых социальных проблем его времени, отмечает воздействие его идей на умы современников (в частности, в борьбе с крепостным правом), показывает связь писателя с родной страной. В то же время, подчеркивает Хайр, при всей его злободневности творчество Тургенева сохраняет свои художественные достоинства, и его герои подлинные характеры, взятые из жизни, а не марионетки, сделанные по заданной схеме.

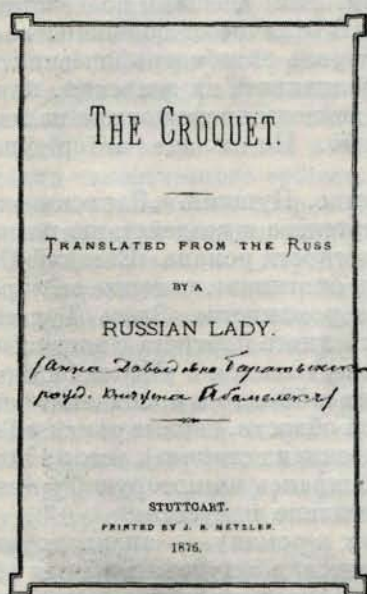
Несколько статей, вышедших за последнее время в Америке и Англии, посвящены частным вопросам биографии Тургенева. Статья Н. Н. Сергиевского «Трагедия великой любви: Тургенев и Полина Виардо», напечатанная в 1946 г. в «Американском славянском и восточноевропейском обозрении»⁵⁶, представляет собою краткий, весьма популярный очерк, посвященный истории взаимоотношений писателя и актрисы. Никаких новых материалов здесь нет. Как и следовало ожидать от статьи такого рода, в ней сильно преувеличивается влияние П. Виардо на творчество Тургенева. Автор считает, что это влияние было двояким, причем одна сторона парализовала другую: П. Виардо, по его мнению, заботилась о развитии таланта Тургенева, но в то же время невольно ослабляла этот талант, отрывая писателя от родной почвы.

Напечатанная в том же журнале в 1958 г. небольшая мемуарная заметка русского эмигранта, театрального критика Сергея Бертенсона «Тургенев и Савина»⁵⁷ тоже не содержит ничего нового. Автор, лично знавший М. Г. Савину, рассказывает о том, как в 1915 г., незадолго до смерти актриса читала ему свои воспоминания о Тургеневе, и излагает содержание этих хорошо известных тургеноведам воспоминаний.

Об отношениях Тургенева с А. Ф. Кони писал профессор Индианского университета Михаил Гинзбург в исследовании «Кони и его современники», печатавшемся в славистическом сборнике университета⁵⁸. Здесь в соответствующем разделе пересказываются воспоминания Кони о Тургеневе. Кони, по мнению Гинзбурга, как «сын эпохи великих реформ», ценил в Тургеневе превыше всего его литературную и политическую деятельность, направленную на уничтожение в России рабства.

Повышенный интерес, впрочем легко объяснимый, если учесть пристрастие буржуазных литературоведов ко всякого рода «сенсационным» биографическим подробностям, вызвал эпизод из жизни Тургенева, описанный им в очерке «Пожар на море». В 1957 г. английский перевод этого очерка был опубликован в «Лондонском журнале» с пространном предисловием Исайи Бёрлина «Эпизод из жизни Ивана Тургенева», в котором подробно излагались все обстоятельства, связанные с этим очерком: поведение Тургенева во время пожара на судне «Николай I» в 1838 г., сплетни, возникшие впоследствии, клевета Долгорукова, отражение этой клеветы в «Бесах» Достоевского и т. д.⁵⁹ Все это уже давно известно, и Бёрлин не сообщил ничего нового. Однако через год очерк был перепечатан в нью-йоркском журнале «Репортер»⁶⁰, а затем он снова был напечатан в упоминавшемся уже издании «Литературных и житейских воспоминаний» Тургенева, где ему также предшествовали подробные пояснения.

В заключение обзора биографических работ о Тургеневе упомянем краткую заметку А. Е. Картера «Новогоднее приветствие Тургенева Флоберу» (1949)⁶¹, в которой объясняется, почему, поздравляя Флобера 2 января 1877 г., Тургенев переписал нелепые стихи какого-то школьного учителя. По мнению автора, русский писатель пополнял тем самым коллекцию проявлений человеческой глупости, которую собирал его друг. Как комментарий к одному из писем Тургенева заметка бесполезна.

Крокет в Виндзоре

*Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре*

*Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре
Виндзор, крокет в Виндзоре*

«КРОКЕТ В ВИНДЗОРЕ». ИЗДАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ШТУТГАРТ, 1876)
С АВТОРСКОЙ ЗАПИСЬЮ РУССКОГО ТЕКСТА СТИХОТВОРЕНИЯ
Обложка и автограф Тургенева (20 июля 1876 г.), вклеенный в книгу
На обложке неизвестной рукой — имя переводчицы А. Д. Баратынской
Центральный архив литературы и искусства, Москва

III

Историко-литературное изучение творчества Тургенева в странах английского языка ведется уже несколько десятилетий. Важным моментом в этом изучении был выход в 1932 г. в Нью-Йорке книги Гарри Гершковича «Демократические идеи в творчестве Тургенева»⁶², в которой художественное наследие писателя исследовалось с точки зрения развития в нем социальных мотивов, связи его с русским освободительным движением⁶³.

В рассматриваемый нами период наиболее значительным исследованием в этой области является книга английского ученого Ричарда Фриборна «Тургенев. Романист романистов», изданная в Лондоне в 1960 г.⁶⁴ Заглавие представляет собою реминисценцию суждения Генри Джеймса, который писал, что Тургенева «можно назвать романистом романистов (the novelist's novelist), неким художественным воздействием, чрезвычайно ценным и неискоренимо установившимся»⁶⁵.

Книга Фриборна представляет собою серьезный и обстоятельный труд, выгодно отличающийся от многих западных литературоведческих работ. Автор поставил своей целью «осветить отличительные черты того, что подразумевается под „тургеньевским романом“, и исследовать развитие этого романа в руках Тургенева»⁶⁶. Тургенев, считает Фриборн, был первым русским романистом в современном смысле слова.

Книга состоит из восьми глав. Первая глава — «Начала. Юность, философия, политика». Здесь характеризуются внешние воздействия, которые испытал будущий писатель: семья, московский и берлинский

университеты, философия Шеллинга и Фейербаха, Станкевич, Белинский, Герцен и т. д. Глава заканчивается 1848 годом. Этим внешним воздействиям Фриборн отводит довольно скромное место. В отличие от большинства западных исследователей он, хотя и отмечает роль автобиографических моментов в творчестве писателя, но не преувеличивает их значения, не вытаскивает на свет излюбленные биографами эпизоды вроде пожара на море, любовных историй, ссор с современниками. Не делает автор упора и на отношения писателя с матерью.

Вторая глава — «Литературное ученичество. Пушкин. „Записки охотника“» — посвящена раннему творчеству Тургенева и воздействию на него реалистических произведений Пушкина, в частности романа «Евгений Онегин». В центре внимания Фриборна «Записки охотника», которые он характеризует как «записную книжку будущего романиста». Здесь Тургенев вырабатывает мастерство создания художественного портрета и построения любовной истории. Эти две линии впервые соединяются в «Месяце в деревне». Рассматривая состояние русского романа к 50-м годам, значение творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя в этой области, первые романы Герцена («Кто виноват?») и Гончарова («Обыкновенная история»), автор заключает, что предшественники создали основу, опираясь на которую Тургенев сумел превратить русский роман в произведение искусства.

В третьей главе — «Тургенев на подступах к роману» — анализируется творчество писателя 50-х годов как идеологическая и художественная подготовка к созданию последующих романов. Автор показывает развитие социальных и философских воззрений Тургенева в эти годы, в частности его увлечение философией Шопенгауэра, становление образа «лишнего человека» в его повестях, размышления писателя над формой романа.

Центральное место занимают главы четвертая — «Романы Тургенева. Введение» и пятая — «Четыре великих романа». Последняя посвящена романам 1856—1862 гг.: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети», и составляет по объему почти две пятых всей книги. Именно здесь автор стремится выявить отличительные особенности тургеневских романов, которые он рассматривает как раздумья писателя над развитием русского общества и идеологической позицией русской интеллигенции в 40—60-е годы. Фриборн характеризует тургеневский реализм с его верными действительности социально-психологическими портретами, объективностью изложения, органическим включением пейзажа в повествование и намечает некоторые общие черты построения романов, которое сравнивает с драматургической техникой: ограниченность времени и места действия, способ введения протагониста, сценическая четкость событий и т. д.

Пятая глава подразделяется на четыре части: «Структура» — архитектура романов; «Идеи и идеалы» — идеологическое содержание романов, их связь с общественной борьбой тургеневского времени; «Герой и героиня» — реализация морально-философских взглядов писателя в отношениях его героев; «Достижение» — завершающая часть. Во всех частях показано развитие и усложнение составляющих роман элементов, расширение его основы от «Рудина» до «Отцов и детей». Тургенев, утверждает Фриборн, установил этими произведениями традицию романа в России. В них он достиг равновесия исторического и общечеловеческого, общественного и личного, идеологии и чувства.

Это равновесие, по мнению Фриборна, было нарушено в последних романах, в которых взяли верх социальные и политические моменты. Этим романам посвящены главы: шестая — «Роман как политический памфлет. „Дым“» и седьмая — «Неуспех „Нови“». В завершающей восьмой главе: «Романист романистов — прекрасный гений»⁶⁷, автор делает попытку раскрыть смысл этих определений Генри Джеймса по отношению к Тургеневу.

Книга Фриборна написана целеустремленно: все подчинено основной задаче — показать искусство Тургенева-романиста. Автор учитывает результаты исследований своих предшественников, в частности труд А. Г. Цейтлина «Мастерство Тургенева-романиста» (М., 1958). Однако в отличие от советского литературоведа Фриборн преувеличивает в духе экзистенциалистских концепций значение вневременных категорий в творчестве писателя, пытается найти в тургеневских романах выражение извечной трагедии человеческого существования, обреченного на смерть. Идеологическими конфликтами современности и враждебным отношением к советской литературе продиктовано стремление Фриборна представить «Новь», которую он объявляет неудачей писателя, произведением, предвосхищающим социалистический реализм⁶⁸.

Недостатком исследования является и определенный схематизм анализа. Трех пунктов, на которые делится центральная пятая глава, явно недостаточно для полноты исследования. К тому же, разлагая романы на составные элементы, автор утрачивает ощущение их единства и художественной целостности. Характерно, что совсем не удалась заключительная глава. Приведя суждения Джеймса и назвав их «наиболее ценными», Фриборн не сумел, однако, развить их. Определения, которые он здесь дает, могут быть применены ко многим писателям, они не раскрывают специфики тургеневского мастерства.

К романам Тургенева обращались различные исследователи Англии и Америки. Известный английский критик Генри Гиффорд в книге «Герой своего времени. Тема русской литературы» (1950)⁶⁹ в разделах, посвященных Тургеневу, сосредоточивает свое внимание на общественно-психологическом содержании его романов, отразивших идеологические тенденции его времени, определенный исторический тип интеллектуальной культуры. Гиффорд рассматривает героя тургеневских романов как этап в эволюции образа героя классической русской литературы XIX века от Чацкого до Раскольникова и Андрея Болконского в связи с общественным развитием России.

Вслед за Гиффордом (и отчасти опираясь на него) Тургеньевым заинтересовался американский критик Ирвинг Хау, посвятивший образам его героев специальную статью: «Тургенев. Достоинства нерешительности» (1956)⁷⁰, которая в следующем году с несколько измененным заглавием («Тургенев. Политика нерешительности») вошла как глава в книгу этого автора «Политика и роман»⁷¹. В книге исследуется вопрос воздействия политики и политической идеологии на литературу. Хау стремится определить характерные черты либерализма Тургенева и выявить отражение этих взглядов в созданных им образах «лишних людей». Основной особенностью духовного облика героев романов Тургенева, считает Хау, является их нерешительность, выражающая колебания интеллигента, которого ум и необычайная восприимчивость к веяниям времени приводят к участию в политической жизни, хотя по своему воспитанию он испытывает инстинктивное отвращение к политике. Хау обосновывает эту нерешительность исторически, ссылаясь на слова Ленина о Герцене, и утверждает, что герои Тургенева были «порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»⁷². Статья Хау носит скорее исторический, нежели литературоведческий характер.

Стремление интерпретировать творчество Тургенева как исторический документ отличает и статью Лайонеля Кочана «Русская история в романах Тургенева» (1964)⁷³. Автор показывает, как воплощались в тургеневских героях — Рудине, Лаврецком, Елене, Базарове, Нежданове, Соломине и др. — идейные течения, волновавшие русское общество XIX в., начиная

от западничества 40-х годов до движения народников. Статья написана популярно и иллюстрирована изображениями Тургенева, его современников и Петербурга середины прошлого столетия.

Сопоставлению романов и повестей Тургенева посвящены две внутренние связанные между собой статьи американского ученого Ральфа Мэтло: «Искусство Тургенева в „Вешних водах“» (1956)⁷⁴ и «Романы Тургенева. Гражданская ответственность и литературные пристрастия» (1957)⁷⁵. В первой статье автор прослеживает шаг за шагом развитие сюжета и характеров в повести, композиционное ее построение, манеру рассказчика и т. д. и сравнивает повесть с близким по времени написания и содержанию любовного конфликта романом «Дым». Мэтло приходит к заключению, что «„Вешним водам“ недостает той более глубокой социальной и психологической мотивировки, примером которой служит образ Ирины в „Дыме“, но, с другой стороны, изображение страсти в целом более удачно в позднем произведении».

Продолжая сопоставление тургеневских романов и повестей, Мэтло во второй своей статье пытается доказать, что общественные и политические моменты являются в романах инородным телом, что только сознание гражданского долга заставляло Тургенева вводить их, вопреки своему таланту, сила которого заключалась в создании человеческих характеров, выявляющихся в любовных конфликтах.

Эта точка зрения не нова: попытки умалить общественное значение тургеневского творчества встречались неоднократно и раньше.

Так, например, подобная тенденция присуща появившемуся в 1948 г. очерку английского титулованного критика лорда Дэвида Сесила «Тургенев»⁷⁶. Основной движущей силой тургеневского творчества здесь объявлен «эстетический импульс», постоянное стремление к красоте. Правда, указывает Сесил, Тургенев, в отличие от западного эстета, включает в понятие красоты и нравственную красоту, ибо в основе его мировоззрения, как и у других русских писателей, лежит «врожденное христианство». Чувствуя уязвимость подобного утверждения, критик признает, что Тургенева нельзя назвать верующим, что он скорее агностик в вопросах религии. Однако далее заявляет, что нравственные принципы писателя по существу христианские. «Христианские чувства без христианской веры» — так определяет Сесил уmonoстроение Тургенева.

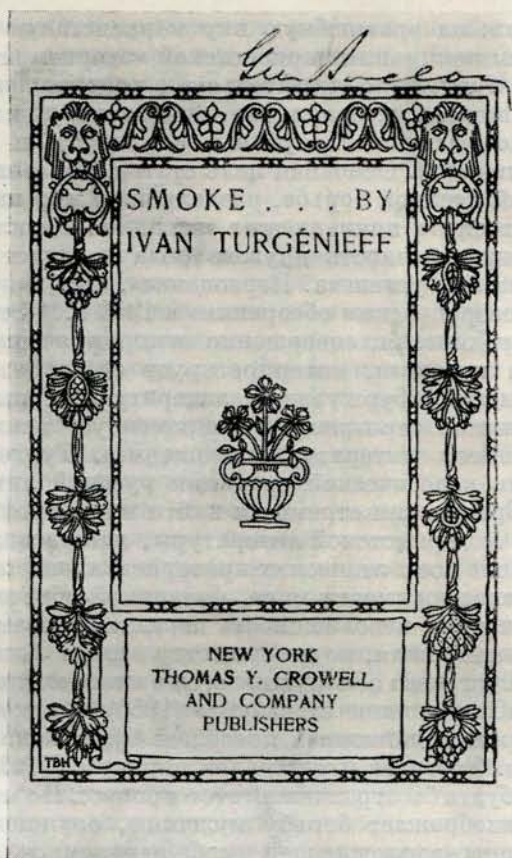
В буржуазной критике и литературоведении постоянно приходится сталкиваться со всякого рода «обличениями» Тургенева, с попытками уличить его в каком-либо намеренном или непроизвольном обмане, с фальсификацией его творчества в угоду новейшим реакционным теориям или «холодной войне».

В 1950 г. американский критик Альфред Кейзин откликнулся на выход сборника произведений Тургенева в английском переводе статьей «Нерусские русские»⁷⁷, которая получила довольно широкий резонанс. Кейзин вообще отрицает связь писателя со своей страной, утверждает, что он «наименее характерный из всех великих русских», что в отличие от других русских писателей Тургенев сумел будто бы «обойтись без России, превратить ее в „фон“ для своих историй о разбитых жизнях».

С фальсификацией другого рода встречаемся мы в статье Вацлава Ледницкого «„Дворянское гнездо“ и „поэзия брака и домашнего очага“», напечатанной в 1946 г. в «Американском славянском и восточноевропейском обозрении» и затем перепечатанной в сборнике статей автора⁷⁸. Ледницкий — польский эмигрант, в то время был профессором Калифорнийского университета. Под «поэзией брака и домашнего очага» он подразумевает некий комплекс идей, «абсолютных истин», которые он находит в творчестве Пушкина. Одной из таких истин Ледницкий считает идею нерасторжимости церковного брака, воплощенную, по его мнению, в «Евгении Оне-

«ДЫМ» (НЬЮ-ЙОРК, 1872)

Обложка

гине», «Дубровском», «Метели». Эту же идею он находит и в «Дворянском гнезде» и объявляет, что центральная проблема романа, почерпнутая Тургеневым у Пушкина, это — «конфликт между относительным правом человека на личное счастье и абсолютным законом, божественным законом, устанавливающим норму для человеческой жизни, согласно которой счастье каждого индивидуума возможно лишь в той мере, в какой оно согласуется с абсолютным, всеобщим, божественным законом». Таким образом, проблема нравственного долга и отречения, которую Тургенев ставит в конкретном социально-историческом плане, переносится Ледницким в религиозный план, безусловно чуждый Тургеневу. Ледницкий фактически заимствовал идею смирения и покорности, содержащуюся в «Речи о Пушкине» Достоевского, подчеркнул ее религиозный смысл и распространил на творчество Тургенева, объявив при этом смирение и покорность основой русского национального характера. Отдельные тонкие и справедливые замечания и наблюдения, имеющиеся в статье Ледницкого, не меняют ее реакционной сущности.

Стремление использовать Тургенева в целях идеологической борьбы лежит в основе статьи Чарлза Моргана «Любовная повесть у Тургенева», опубликованной в трудах Королевского литературного общества Соединенного Королевства в 1950 г.⁷⁹ и внешне посвященной характеристике художественного мастерства писателя, которое демонстрируется на материале повести «Первая любовь»; большую часть статьи занимает пересказ повести, сопровождаемый импрессионистическими замечаниями. Однако в действительности творчество Тургенева служит автору лишь поводом для

нападок на враждебную ему марксистскую идеологию. Не поднимаясь в своем понимании марксистской материалистической философии выше пошлых буржуазно-обывательских представлений, он объявляет Тургенева противником материализма, потому что для материалиста будто бы неприемлемо раскрытие глубины, сложности и противоречивости душевных переживаний. Основная цель статьи Моргана — это доказать, что в современной идейной борьбе, разделившей мир на два лагеря, наследие Тургенева всецело принадлежит «западной цивилизации».

Тенденциозность другого рода отличает статью Нины Бродянской «Рассказы Тургенева. Переоценка», опубликованную в «Славянском и восточноевропейском обозрении» в 1953 г.⁸⁰ Эта «переоценка» состоит в том, что Бродянская, совершенно игнорируя социальную проблематику творчества писателя, интерпретирует его произведения в духе психологизма современной буржуазной литературы и пытается доказать, что в них содержится «прозрение в современную психологию» и «предвестия современного литературного письма». Тургенев представлен как разрушитель классической традиции русской литературы, и путем ряда натяжек Бродянская стремится найти в его произведениях такие характерные черты модернистской литературы, как распад человеческой личности, отвержение всех этических критериев, алогизм душевных движений, признание непостижимости мира, фатальной обреченности человека на духовное одиночество, невозможность передать словами мысли и чувства и т. д.

Внешне иная, но по существу весьма близкая интерпретация творчества Тургенева обнаруживается в книге английского социолога Питера Натана «Отступление от разума» (1955)⁸¹, в которой прослеживается развитие иррационализма в новейшей буржуазной философии и общественной мысли. Тургенев представлен наряду с Д. Лоренсом и Сартром как писатель, будто бы отразивший этот процесс. По мнению Натана, русский писатель изображает борьбу мужчины, оружием которого служит разум, и женщины, воплощающей в себе неразумное, эмоциональное «материнское» начало. В этой борьбе мужчина обречен на поражение, ибо в нем также живут эмоции, которые женщина использует как «пятую колонну», чтобы одержать верх над мужским интеллектом. «Что бы мы ни делали, мир матери всегда побеждает» — такова, утверждает Натан, мораль произведений Тургенева. Нетрудно увидеть, что эта примитивная и ложная схема мало соответствует действительному содержанию тургеневского творчества.

Работы Бродянской и Натана весьма характерны для современных буржуазных идеологов, пытающихся во что бы то ни стало найти среди признанных и прославленных писателей прошлого «духовных отцов» современных декадентских теорий.

От подобной тенденциозности свободны две работы, рассматривающие художественное мастерство Тургенева и опубликованные в 1964 г. в «Славянском и восточноевропейском журнале», который издается Американской ассоциацией преподавателей славянских и восточноевропейских языков. Консолата Делейни в статье «Охотник Тургенева; опыт единства»⁸² рассматривает образ рассказчика в «Записках охотника», объединяющего отдельные очерки, средства, которыми этот образ создается. Автор показывает, что, выражая с помощью рассказчика свои мысли и настроения, свое отношение к крепостному праву, Тургенев делал его социально-этическую позицию конструктивным элементом и добивался не только формального, но и идейного единства «Записок», которые тем самым включались в современную общественную борьбу. Статья Джозефа Л. Конрада «„Ася“ Тургенева»⁸³ анализирует приемы построения повести: драматическое нагнетание событий, достигающих высшего напряжения перед концом, превалирование диалога над описаниями, раскрытие внутрен-

него состояния героев через внешние проявления, языковые особенности и т. д. Показательно, что обе названные статьи в значительной мере опираются на работы советских исследователей (С. М. Петрова, Г. А. Бялого и др.).

IV

Значительное место в посвященных Тургеневу работах англо-американских исследователей занимает проблема отношений писателя к иностранным литературам. Международное значение творчества Тургенева, многочисленные связи писателя с иностранными литераторами, его деятельность пропагандиста русской литературы на Западе и западных литератур в России — все это делает весьма плодотворной разработку данной проблемы. Разумеется, что в первую очередь исследователей Англии и США интересует восприятие творчества Тургенева в их странах, тем более, что влияние русского писателя оставило здесь свой след.

Выше уже неоднократно упоминалась докторская диссертация Ройала Гетмана «Тургенев в Англии и Америке», выпущенная еще в 1941 г. Эта обширная и обстоятельная работа охватывает период до 1937 г., и все последующие исследователи, касавшиеся так или иначе этой темы, опираются на исследование Гетмана.

Примером может служить книга профессора Колумбийского университета Дороти Брустер «Путь с востока на запад» (1954)⁸⁴, в которой рассматривается восприятие русской литературы в Англии и Соединенных Штатах Америки с XVII по XX в. Автор сама называет книгу Гетмана в числе основных источников информации для ее работы. Именно благодаря этому ей удалось осветить «тургеневский период» в русско-английских и русско-американских литературных связях с достаточной полнотой. В отличие от сухого, «диссертационного» изложения фактов у Гетмана, книга Брустер написана живо и интересно. Автор показывает, как английские и американские литераторы, вчитываясь в Тургенева, постепенно приходили к пониманию его реализма как нового слова в литературе, без освоения которого нельзя двигаться дальше. В процессе усвоения Тургенева, утверждает Брустер, центр популяризации русской литературы переместился из Англии в США, где в 70-е годы творческий метод русского писателя энергично пропагандировали Генри Джеймс, Вильям Дин Гоуэлс и Томас Парр.

Факты, собранные Гетманом, в определенной мере используются и в книге английского литературоведа Джильберта Фелпса «Русский роман в английской художественной литературе» (1956)⁸⁵. Здесь сделана попытка наметить «контуры истории восприятия русской литературы в Англии и, отчасти, в Америке и ее воздействия на некоторых английских и американских писателей». Половина книги посвящена Тургеневу (пять глав из десяти; Толстому и Достоевскому уделяется по одной главе).

Фелпс освещает личные связи Тургенева с английскими и американскими писателями, говорит о резонансе, который получило его творчество в странах английского языка, о том, как по произведениям Тургенева английские читатели знакомились с жизнью России, с революционной борьбой народных масс и т. д. Он особо подчеркивает те моменты тургеневского творчества, к которым английская публика была особенно восприимчива, в частности то, что он называет «наличием морального элемента» (the presence of the moral element).

Фелпс показывает, как в период кризиса английского романа русская реалистическая литература, в том числе и роман Тургенева, помо-

гала английским писателям преодолеть пагубное влияние французского натурализма. Он внимательно исследует влияние Тургенева на творчество английских романистов XIX и XX вв.: Гиссинга, Джорджа Мура, Беннета, Голсуорси, Джозефа Конрада, Вирджинии Вульф, сопоставляет образы их романов с героями романов Тургенева. Особое внимание уделяется в этой связи Голсуорси, чье понимание реализма, по мнению Фелпса, близко к тургеневскому. Автор считает, что, только опираясь на опыт Тургенева, Голсуорси сумел создать галерею типов, отразивших английскую действительность его времени. Фелпс сближает с Базаровым, Неждановым, Рудиним героев романов Голсуорси (Харц — «Вилла Рубейн», Ферран — «Остров фарисеев», Мильтоун — «Патриций»), Гиссинга (Эгремонт — «Тирса», Кингкот — «Изабел Кларендон») и др. Он находит аналогии в фабуле, сюжетных ситуациях, отношениях персонажей у английских писателей и у Тургенева (при этом в некоторых случаях он допускает определенные натяжки).

Обращаясь к влиянию Тургенева на американских писателей, Фелпс ограничивается почти исключительно Генри Джеймсом и лишь вскользь говорит о Гоуэлсе. Он рассматривает Джеймса как «американского Тургенева» (хотя и отмечает, что такое определение может показаться странным) и тщательно выявляет в романах и рассказах американского писателя следы воздействия тургеневского творческого метода.

Книга Фелпса, проникнутая глубоким уважением к русской литературе, пониманием ее достоинств, представляет собою ценный вклад в изучение международного значения творчества Тургенева.

Обобщающей работой, которая продолжает в известной мере монографию Гетмана, явился упоминавшийся уже выше доклад канадского ученого Сирила Брайнера «Тургенев и страны английского языка», представленный IV Международному съезду славистов в Москве в сентябре 1958 г.⁸⁶ В этом докладе, по необходимости кратком, автор сосредоточил внимание в основном на периоде после 1937 г. Он указывает: «Из всех русских писателей Тургенев служит лучшим мерилom изменяющегося отношения стран английского языка к русской литературе». В докладе содержится беглый обзор восприятия Тургенева с 50-х годов прошлого столетия, сопоставление относительной популярности в Англии и Америке Тургенева, с одной стороны, и Толстого и Достоевского, с другой, оценка переводов Тургенева на английский язык и тех трудностей, которые стояли перед их создателями, обзор современных отзывов англо-американских литераторов о Тургеневе и, наконец, краткая характеристика биографических работ Ярмолинского, Магаршака и Вильсона. В целом работа Брайнера носит довольно поверхностный характер. Во время обсуждения доклада на съезде славистов отмечалось, что автор в основном регистрирует факты; ему не хватает собственного взгляда на тургеневское творчество⁸⁷.

Попытка новой периодизации сделана в недавно опубликованной статье профессора Кембриджского университета Дональда Деви «Тургенев в Англии, 1850—1950» (1962)⁸⁸. Свою статью автор разделил на пять главков, соответственно намеченным периодам. Первая из них: «1850—1880. Документальный интерес». Деви утверждает, что английские современники Тургенева обращались к его творчеству главным образом для того, чтобы получить информацию сперва о крепостном праве, а затем о революционном движении в России. Когда же они убедились, что террористы 1878—1881 гг. не имеют ничего общего с тургеневскими нигилистами, они утратили интерес к русскому писателю. Во втором разделе: «1880—1900. Образец для романистов», автор показывает, как благодаря пропаганде Генри Джеймса Тургенев приобретает значение образцового писателя, противопоставляемого французскому натурализму. Его по-

IVAN TURGENEV

FATHERS & SONS

TRANSLATED FROM THE RUSSIAN BY
CONSTANCE GARNETT
& ILLUSTRATED
WITH WOOD ENGRAVINGS BY
FRITZ EICHENBERG

New York:
THE HERITAGE PRESS

«ОТЦЫ И ДЕТИ» (НЬЮ-ЙОРК, 1941)

Фронтиспис и титульный лист

Гравюры Фритца Эйхенберга

клонники немногочисленны, но они пользуются авторитетом в английской литературе. В третьем разделе: «1900—1912. Техническое совершенство», рассказывается, как статьи Эдварда Гарнета, предпосланные переводам Констанции Гарнет, привлекают к художественному мастерству Тургенева внимание таких писателей, как Голсуорси и Арнольд Беннет, которые становятся его последователями. Со временем, однако, техника Тургенева начинает подвергаться критике, особенно в связи с ростом популярности Толстого и Достоевского. Борьба вокруг Тургенева, рассматриваемая в разделе «Споры (1917)», достигла кульминации в связи с выходом книги Э. Гарнета «Тургенев. Очерк» с предисловием Джозефа Конрада. Тургеневу противопоставлялись не только Толстой и Достоевский, но также Чехов и Горький. Одним из самых непримиримых ниспровергателей Тургенева выступал Сомерсет Моэм. Но после этой полемики наступил «классический» период (пятый раздел: «1920—1946. В положении классика»). Тургенев, по мнению автора, занял, особенно после появления книги Ярмолинского, подобающее ему место в истории литературы, но перестал быть актуальным фактором современного литературного развития. Последнее утверждение представляется нам сомнительным или, по крайней мере, нуждающимся в серьезных оговорках. Выше приводились достаточно авторитетные свидетельства, говорящие как раз об обратном.

Тургеневу уделяется место в небольшой статье Гарольда Орела «Английские критики и русский роман, 1850—1917» (1955)⁸⁹. Литераторы

Англии, утверждает автор, стремились через познание романа понять загадочный для них «русский характер». В статье отмечается меньшая популярность Тургенева по сравнению с Толстым и Достоевским и посредническая роль французской критики (Дюжюи, Вогюэ) для восприятия Тургенева в Англии.

Говоря об отдельных писателях, испытавших влияние Тургенева, исследователи, естественно, останавливались прежде всего на Генри Джеймсе. Еще в 1941 г. в Англии появилась специальная статья Даниэля Лернера «Влияние Тургенева на Генри Джеймса»⁹⁰, ссылки на которую обычно содержатся в работах, в той или иной мере касающихся этого вопроса.

В небольшой заметке «Проблема „Родерика Хадсона“» (1952)⁹¹ Виола Дунбар стремится показать, как осмысление писательской манеры Тургенева, изложенное Джеймсом в статье 1874 г., сказалось на его ближайшем по времени романе «Родерик Хадсон» (1875).

Влияние Тургенева рассматривается в числе прочих вопросов в статье Оскара Каргилла «„Принцесса Казамассима“: критическая переоценка» (1956)⁹². Еще Лернер указывал, что этот единственный социальный роман Джеймса, написанный в 1886 г., находится в прямой зависимости от «Нови», что у Тургенева американский писатель учился искусству построения романа о деятельности революционеров. Каргилл же справедливо ограничивает степень влияния Тургенева. «Мы можем допустить, — пишет он, — что идея и построение „Принцессы“ были заимствованы у Тургенева, и в то же время утверждать, что роман по существу является оригинальным произведением Джеймса, если мы вспомним, что все его содержание, и сцены, и характеры, имеет в основе собственные наблюдения и воспоминания Джеймса».

Сопоставлению тех же романов посвящена статья Юнис Гамильтон «„Принцесса Казамассима“ Генри Джеймса и „Новь“ Ивана Тургенева» (1962)⁹³. Говоря о статье Джеймса 1877 г. о «Нови»⁹⁴, автор выясняет, что именно привлекло американского писателя в романе, и далее стремится показать, как эти особенности были реализованы им в собственном произведении. Центральное место в статье занимает сопоставление главных героев двух романов — революционеров Нежданова и Гиацинта Робинзона. Вывод Гамильтон, что в числе влияний, испытанных Джеймсом при создании «Принцессы Казамассимы», следует учитывать Тургенева, несомненно справедлив. Странно только, что она не ссылается на своих предшественников и изображает дело так, будто этот вопрос поставлен ею впервые.

Наконец, сопоставление Тургенева и Джеймса содержится в статье О. Каргилла «Первый интернациональный роман» (1958)⁹⁵, посвященной «Американцу» (1877). Под термином «интернациональный роман» подразумевается произведение, герой которого действует в чужой стране, вне родины или, как определяет Каргилл, «в котором персонаж, руководствующийся обычно в своих действиях нравами одного окружения, помещается в иную среду, где его привычные рефлексy оказываются бесполезными, где он должен пустить в ход все свои способности, чтобы преодолеть следующие одно за другим затруднения, и где он должен духовно приспособиться к новым нравам, в противном случае он будет так или иначе сокрушен». Каргилл считает, что в произведениях Тургенева, действие которых происходит в Западной Европе, эта проблема уже намечается, хотя и не ставится в полном объеме. Аргументация Каргилла по этому поводу представляется мало убедительной.

Сведения о личных отношениях двух писателей собраны в статье Жана Сезнека, предпосланной публикации писем Тургенева к Джеймсу (см. ниже).

Небезынтересно отметить, что влияние Тургенева на других американских писателей исследовалось последнее время почти исключительно в Швеции. Мы считаем необходимым остановиться здесь на этих работах, потому что, написанные по-английски, они рассчитаны в первую очередь на читателей стран английского языка.

Шведский ученый Ларс Онебринк в своей монографии «Начала натурализма в американской художественной литературе», изданной в 1950 г. в Швеции и Соединенных Штатах ⁹⁶ и посвященной становлению реализма в Америке на рубеже XIX—XX вв. в творчестве Хэмлина Гарланда, Стивена Крейна и Фрэнка Норриса, поместил специальную главу «Влияние Тургенева», которая соответственно делится на три части: «Тургенев и Гарланд», «Тургенев и Крейн», «Тургенев и Норрис». Наиболее существенной из них представляется первая часть. Свидетельства интереса Гарланда к автору «Отцов и детей» сохранились в его дневниках и записных книжках. Заглавие романа американского писателя «Под колесом» («Under the Wheel», 1890) было подсказано словами Базарова: «Попал под колесо», — которые служат эпиграфом к роману Гарланда. Онебринк показывает, как идейно-художественные искания Гарланда заставляли его обращаться к произведениям Тургенева, в частности к «Запискам охотника». Однако Онебринк истолковывает творчество Тургенева несколько упрощенно, считая, что основная тема его произведений определяется словами Потугина из «Дыма»: «Человек слаб, женщина сильна, случай всесилен». Эта ограниченность особенно проявляется в разделах, посвященных Крейну и Норрису, где автор занимается поверхностным сопоставлением тем и мотивов, не учитывая различия в идейных позициях русского и американских писателей.

Другой шведский ученый Олаф Фрикстед в книге «В поисках Америки» (1958), посвященной творческому становлению В. Д. Гоуэлса как романиста, рассматривает вопрос о воздействии Тургенева в двух главах: XI «Урок Тургенева» и XII «Тургенев. Взгляд на людей справедливого человека» ⁹⁷. Познакомившись с творчеством русского писателя, Гоуэлс пришел к заключению, что, хотя Тургенев решал задачи своей национальной литературы, он в то же время указывал путь и для американских писателей. В своей художественной манере Гоуэлс стремился следовать «драматическому методу» Тургенева, когда характеристика героев вытекает из их действий и конфликтов, а не из авторских комментариев и морализации. Фрикстед приводит многочисленные отзывы Гоуэлса о творчестве Тургенева и заключает, что влияние русского писателя определило не только художественный метод Гоуэлса, но и его мировоззрение. Вместе с тем, подчеркивает автор, подкрепляя свои выводы анализом произведений американского романиста, это было творческое восприятие, а не слепое копирование или подражание.

Две американских статьи недавнего времени посвящены отношению творчества Гарриет Бичер-Стоу и Тургенева. Как установлено, ни один из этих писателей не испытал влияния со стороны другого, но их произведения, появившиеся в одно время и направленные против рабовладения и крепостничества, дают основания для типологических сопоставлений. Джек Позин выступил в 1958 г. на II конгрессе компаративистов с докладом «„Записки охотника“ Тургенева против „Хижина дяди Тома“ Бичер-Стоу. По поводу сдержанной манеры» ⁹⁸. Он показал, что, хотя оба писателя осуждали рабство с этической точки зрения, их творческие принципы были различны. Бичер-Стоу, основываясь на материалах, полученных из вторых рук, продемонстрировала вопиющие крайности рабовладельческой системы. Но такое обличение, указывает Позин, допускает реформистские выводы о возможности устранить только злоупотребления, не затрагивая системы в целом. Напротив Тургенев, исходя из собствен-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ
«ОТЦЫ И ДЕТИ». У МОГИЛЫ СЫНА
Гравюра Фритца Эйхенберга, 1941

Из книги: Ivan Turgenev.
«Fathers and Sons». New York, 1941

ного опыта и наблюдений, изображает просто, без нажима обыденный крепостной «быт» (последнее слово автор приводит по-русски) и показывает, что самый принцип порабощения бесчеловечен. Благодаря объективности и достоверности изображения и сдержанной манере повествования очерки Тургенева таили в себе несравненно более убедительное осуждение рабства, чем роман американской писательницы.

Альберт Каспин в статье «Хижина дяди Тома» и Постояльный двор „дяди“ Акима. К вопросу о Гарриет Бичер-Стоу и Тургеневе»⁹⁹ сопоставил произведения двух писателей, выпедшие одновременно в 1852 г. Отмечая сходство героев, которым присуще религиозное смирение, автор, однако, приходит к заключению, что рассказ Тургенева имел большую социальную остроту, ибо в условиях России поведение Акима, ушедшего в странники, было своеобразной формой протеста. В своей статье Каспин опирается на работы советских литературоведов.

В Англии и Америке изучаются также связи Тургенева с другими странами, в частности внимание исследователей привлекают широкие и многообразные связи русского писателя с Францией и французской литературой. Однако два исследования, относящиеся к этой важной проблеме, до сих пор неизвестны в печати. Мы имеем в виду диссертации Ричарда Джорджа Каплера «Тургенев и французы»¹⁰⁰ и А. Б. Мёрфи «Влияние Флобера на Тургенева»¹⁰¹; первая была защищена в Колумбийском университете в 1960 г., вторая — в Лондоне в 1955 г.

Опубликована только, с некоторыми сокращениями, докторская диссертация Ф. Хеммингса «Русский роман во Франции. 1884—1914» (1950)¹⁰², подготовленная в Оксфорде в 1946—1948 гг. В основном она посвящена восприимчивости творчества Толстого и Достоевского; рядом с ними Тургенев занимает сравнительно скромное место. Хеммингс говорит о распространении во Франции произведений Тургенева, начиная с «Записок охотника»,

еще при жизни писателя. Он отмечает, что на французских читателей производили впечатление ясность и пронизательность тургеневского письма, его реализм, не омраченный изображением ужасного. В книге подробно излагаются отзывы о писателе французских критиков Эрнеста Дююи и Мельхиора Вогюэ. Особо останавливается Хеммингс на значении Тургенева как пропагандиста русской литературы во Франции.

Статья Оскара Манделя «Мольер и Тургенев: литература без приговора», напечатанная в 1959 г. в журнале «Сравнительная литература»¹⁰³, лишь очень условно может быть отнесена к области изучения литературных связей, поскольку здесь нет речи о влиянии. Творчество Тургенева привлекается для объяснения «загадки» «Мизантропа», произведения, относительно которого нельзя сказать, какой из героев выражает точку зрения автора. Мандель сопоставляет комедию Мольера с романом «Отцы и дети», находит некоторое внешнее сходство между образами Альцеста и Базарова и приходит к заключению, что комедия Мольера становится понятной, если ее судить не по канонам поэтики XVII в., но видеть в ней «неосознанного предшественника объективной литературы XIX века, предвещающего беспристрастную технику Флобера и Тургенева». Неисторичность такого заключения очевидна.

Несколько работ посвящено взаимоотношениям Тургенева и немецкой литературы. В небольшой статье «Мани и Тургенев. Первая любовь» (1964)¹⁰⁴ английский исследователь Т. Дж. Рид выясняет из переписки немецкого писателя, что в 1894 г. он читал «Первую любовь» и «Вешние воды», и на этом основании пытается установить влияние повестей Тургенева на первый рассказ Томаса Манна «Падшая» («Gefallen», 1894). Анализ Рида не выходит за пределы формальных сопоставлений.

Большой интерес, на наш взгляд, представляет заметка Мильтона Хиндуса «Дуэли у Манна и Тургенева» (1959)¹⁰⁵, в которой сравниваются

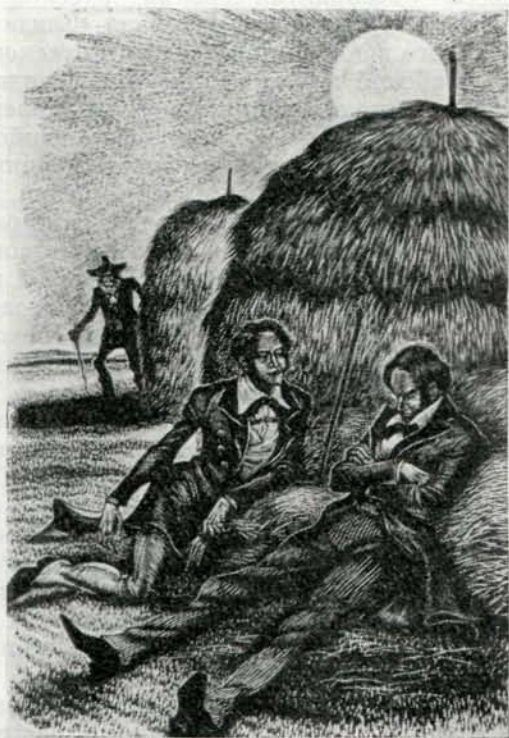

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ
«ОТЦЫ И ДЕТИ». АРКАДИЙ И БАЗАРОВ
Гравюра Фритца Эйхенберга, 1941

Из книги: Ivan Turgenev. «Fathers and Sons». New York, 1941

два сходных эпизода в «Отцах и детях» и «Волшебной горе». Автор считает, что, рисуя в кульминационном пункте своего романа дуэль между Лео Нафта и Сеттембрини, Томас Манн учитывал опыт Тургенева, изобразившего дуэль, в основе которой лежит *идейный* конфликт, отражающий широкие исторические противоречия. Правда, отмечает Хиндус, Тургенев, оставаясь верным технике романа XIX в., внешне прикрыл идейный конфликт личным (история с Феничкой), тогда как Манн — и в этом заключается его оригинальность — представил подобный конфликт в чистом виде.

Компаративистский этюд американца Сеймура Лейнофа «Сельские врачи у Кафки и Тургенева» (1962)¹⁰⁶ посвящен сопоставлению двух рассказов — «Уездного лекаря» Тургенева и «Сельского врача» Кафки. Влияния здесь не было; автор даже не уверен, что Кафка знал русского писателя. Обнаружив некоторое сюжетное сходство между двумя рассказами, Лейноф стремится показать их различие и приходит к заключению, что Тургенев реалист, а Кафка нет, что последнего больше заботят религиозные и метафизические проблемы, чем социальные, а это имеет результатом «большую сложность стиля и символа». Но ради такого заключения, которое очевидно само собою, право же, не стоило писать статью.

Тургеневу посвящена небольшая главка в монографии американского профессора Чарльза Пэssidжа «Русские гофманисты» (1963)¹⁰⁷. Автор считает, что «таинственные повести» Тургенева, такие как «Призраки», «Собака», «Стук... стук... стук...» создавались независимо от Гофмана. Особо останавливается он на гофманских мотивах в «Вешних водах».

К области славянских литературных связей относится статья Э. Д. Гой «Отношение сербов к творчеству Тургенева в XIX веке» (1957)¹⁰⁸. Свою тему автор рассматривает в тесной связи с развитием сербской литературы и ходом общественной жизни сербского народа. Восприятие творчества Тургенева являлось составной частью более широкого процесса — восприятия сербами русской литературы. Первый сербский перевод из Тургенева — рассказ «Свидание» — был опубликован в 1862 г., и с этого времени произведения русского писателя регулярно переводятся на сербский язык. Ранние пропагандисты творчества Тургенева в Сербии — деятели либерального направления (в том числе и И. Вучетич — переводчик «Дыма», переписывавшийся с Тургеневым) — руководствовались общекультурными соображениями; они считали, что знакомство с лучшими иностранными и, особенно, славянскими писателями поможет преодолеть отсталость сербской литературы. В 70-е годы русская литература использовалась сербскими социалистами для распространения своих взглядов. В этот период особой популярностью пользовался роман «Новь» в переводе с введением и послесловием П. Тодоровича, который полемизировал с Тургеневым по поводу пропаганды социалистических идей в народе. В последние два десятилетия XIX века в Сербии было широко распространено отношение к Тургеневу как к образцовому художнику, творчество которого помогало преодолению романтизма и становлению реализма в сербской литературе.

Значительное место было уделено Тургеневу в докладе американского профессора Вильяма Эджертона «Проникновение русской литературы XIX века в прочие славянские страны», представленном V международному съезду славистов в Софии в 1963 г.¹⁰⁹ Автор показал, что первоначально произведения Тургенева попадали в славянские страны при посредничестве французских и немецких переводов. В течение длительного времени, до конца 70-х годов, он один представлял здесь, как и на Западе, русскую литературу.

Небольшая статья польского эмигранта З. Фолеевского «Тургенев и Прус» (1950)¹¹⁰ устанавливает сходство в политических воззрениях, твор-

ческом методе и литературно-общественной судьбе русского и польского писателей. В частности, автор указывает на то, что оба они первые в литературах своих стран реалистически изобразили народ без сентиментальной идеализации, в его положительных и отрицательных чертах. Это сходство Фолеевский объясняет не прямым влиянием Тургенева на Пруса, о чем нет никаких сведений, но типологическим сходством их социального и культурного окружения, общими чертами развития реализма в славянских странах.

К области сравнительного изучения относится и статья Ченси Финча «Изучение Тургеневым классиков», напечатанная в американском «Журнале классической филологии» в 1953 г.¹¹¹ Извлечение из произведений и писем Тургенева латинских цитат и реминисценций античных авторов, а также суммирование сведений об изучении писателем древних языков и знакомстве с античной литературой было бы, несомненно, полезным, но именно этого в статье нет: собранные в ней факты далеки от полноты. Знакомство автора с жизнью и творчеством Тургенева очень поверхностно, но это не мешает ему делать весьма широкие выводы. Так, упоминание Потугиным в «Дыме» (гл. V) слов из оды Катулла: «Odi et amo» («Ненавижу и люблю») позволяет автору утверждать, что в любовной коллизии Литвинова и Ирины воспроизводится роман Катулла и Лесбии и т. п. При этом совершенно игнорируется исторически конкретное содержание произведения. В сущности статья Финча не имеет научного значения.

V

Переписка Тургенева, занимавшая важное место в его жизни и имевшая огромное значение для его творчества, чрезвычайно велика по объему. Письма его рассеяны по всему миру и обнаруживаются иногда в самых неожиданных местах. Новые зарубежные публикации тургеневских писем, часть которых появилась в Англии и Америке, приобретают особый интерес в связи с предпринятым Институтом русской литературы Академии наук СССР полным изданием эпистолярного наследия писателя.

В Гарвардской библиотеке хранятся 15 писем Тургенева к Генри Джеймсу за 1874—1882 гг. Эти письма, имеющие большое историко-литературное значение, были опубликованы Жаном Сезнеком в американском журнале «Сравнительная литература» в 1949 г.¹¹² Во вступительной заметке Ж. Сезнек характеризует отношения Тургенева и Джеймса. Публикуемые письма снабжены комментарием, в котором большое место занимают обширные цитаты из воспоминаний Джеймса о Тургеневе. Здесь же приводится отрывок из неопубликованного письма Джеймса к В. Д. Гоулсу от 3 февраля 1876 г., в котором содержится характеристика Тургенева.

В «Бюллетене Гарвардской библиотеки» в 1948 г. было опубликовано хранящееся в этой библиотеке письмо Тургенева к немецкому писателю Генриху Лаубе от 2 апреля 1874 г. с просьбой найти в Вене рецензента для книги Флобера «Искушение святого Антония». Публикация, сделанная Вальтером Штраусом, носит неуместное ироническое заглавие: «Тургенев в роли агента по рекламированию „Искушения святого Антония“ Флобера»¹¹³. В сопровождающей публикацию заметке собраны сведения о хлопотах Тургенева, пропагандировавшего книгу своего французского друга. В 1958 г. в том же «Бюллетене» Ральф Мэтло опубликовал еще одно ранее неизвестное письмо — к французской писательнице Жюльетте Адан от 2 января 1883 г.¹¹⁴

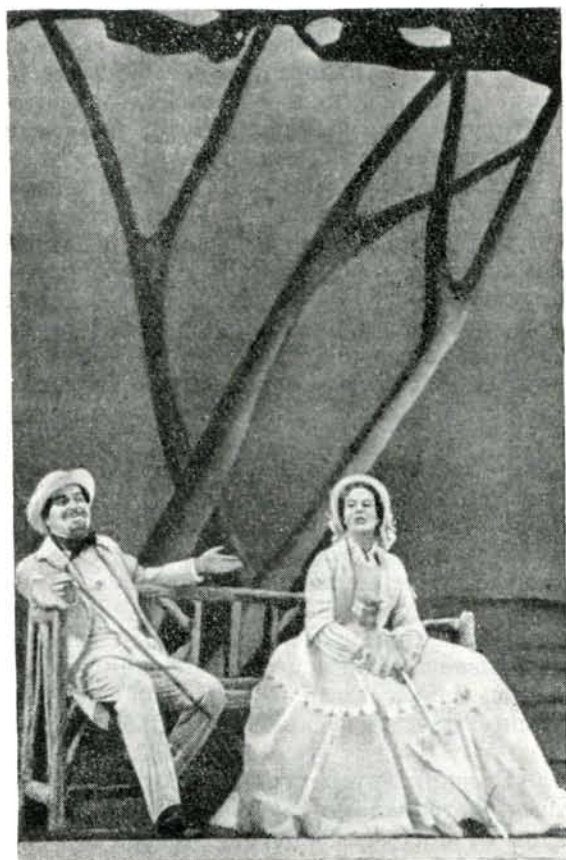
В 1956 г. в Нью-Йорке вышел «Русский литературный архив», в котором, наряду с другими русскими материалами, находящимися в настоящее время в США, напечатаны 37 писем и записок Тургенева к его

друзьям М. А. и Н. А. Милютиным за 1867—1877 гг. Эти документы опубликованы Дм. Чижевским по подлинникам, хранящимся в Библиотеке Гарвардского университета (США)¹¹⁵. Только семь записок появились здесь впервые. Остальные были помещены М. А. Милютиной вскоре после смерти Тургенева в «Русской старине»¹¹⁶.

Наконец, в 1960 г. в «Оксфордских славянских исследованиях» были опубликованы 36 писем и записок Тургенева к банкиру барону Г. О. Гинцбургу за 1877—1882 гг., а также доверенность на продажу имения Спасское-Лутовиново, выданная Тургеневым Д. Г. Гинцбургу 16 (28) августа 1883 г.¹¹⁷ Документы эти опубликованы внучкой Г. О. Гинцбурга И. де Фрис-Гинцбург. В заметке, предпосланной публикации, сообщаются сведения о Гинцбурге (в апологетическом тоне) и характеризуются его отношения с Тургеневым. Представляют интерес приведенные здесь отрывки из неопубликованных мемуаров А. Г. Гинцбурга (сына банкира), содержащие некоторые ранее неизвестные сведения о Тургеневе (в частности, о его помощи Н. М. Минскому — будущему поэту-символисту).

Для полноты обзора следует также упомянуть отрывок письма Тургенева американскому издателю Генри Голту (Holt) 1874 г., приведенный во втором издании книги Ярмолинского¹¹⁸, а также опубликованную в 1945 г. в английском журнале «The Dickensian» дарственную надпись Тургенева на французском переводе «Записок охотника», сохранившемся в библиотеке Диккенса¹¹⁹.

В 1961 г. американский профессор Эдгар Лерман издал сборник избранных писем Тургенева в английском переводе¹²⁰. В издание вклю-

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ» НА СЦЕНЕ
НЬЮ-ЙОРКСКОГО ТЕАТРА
«ФЕНИКС», 1956

Фототипия

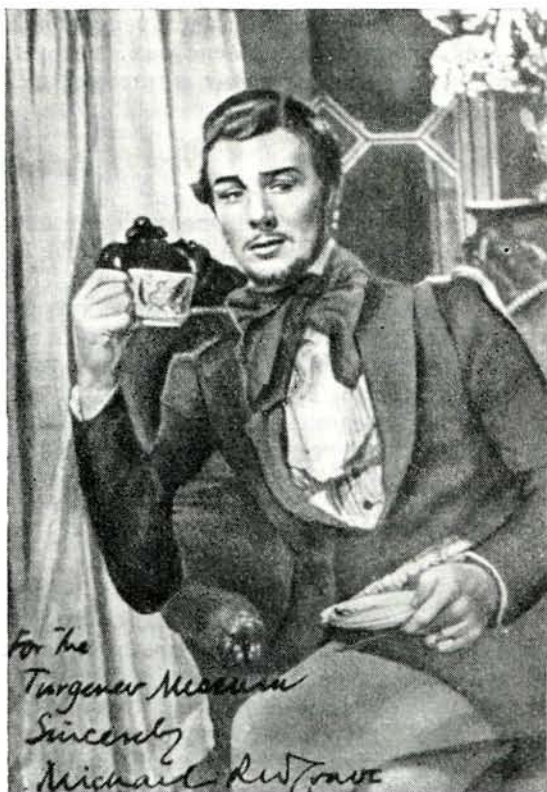
Музей И. С. Тургенева, Орел

АНГЛИЙСКИЙ АКТЕР МАЙКЛ
РЕДГРЕЙВ В РОЛИ РАКИТИНА

«Месяц в деревне» на сцене лондон-
ского театра «Сент-Джеймс», 1943

Фотография с дарственной над-
писью актера (на английском язы-
ке): «Музею Тургенева искренне.
Майкл Редгрейв»

Музей И. С. Тургенева, Орел

чены 425 писем; все они известны; лишь немногие из них приводятся полностью, большинство представлено в сокращении или в виде отрывков. При составлении тома Лерман отбирал такие письма и фрагменты, в которых Тургенев сообщал о своих произведениях и творческих планах, рассказывал о своих настроениях, отзывался о произведениях современников, комментировал политические события. Письма снабжены краткими подстрочными примечаниями. В небольшом предисловии составитель рассказывает о Тургеневе и его творчестве. Далее следует «Примечание для ученых», в котором излагаются эдичионные принципы. В приложениях приводятся некоторые мемуарные материалы, характеризующие Тургенева: отзыв Толстого о Тургеневе, воспоминания о соре Тургенева с Достоевским и т. п. Сборник завершается подробным перечнем источников публикуемых писем, библиографией основных изданий и публикаций тургеневских писем и указателем имен, заглавий произведений и названий периодических изданий.

Несмотря на внешне академический вид, издание Лермана далеко не совершенно. Не всегда удачен отбор писем: многие важные письма не вошли в сборник и, наоборот, вошли менее существенные. Включены «письма» в редакции журналов, являющиеся фактически статьями. Перевод сделан тяжелым языком, не передающим стиля Тургенева, и изобилует ошибками и неточностями. Совершенно недостаточны примечания, неудовлетворительно предисловие.

И все же как первая попытка на английском языке показать характер и широту диапазона эпистолярного наследия Тургенева издание Лермана заслуживает одобрения. Можно надеяться, что за ним последуют другие сборники писем русского писателя, лучше подготовленные. Такие

пожелания уже высказывались рецензентами ¹²¹. Но и изданный сборник, при всех своих несовершенствах, несомненно расширяет представления английских и американских читателей о Тургеневе. И в этом состоит его неотъемлемое достоинство.

VI

В связи с ростом известности Тургенева в странах английского языка возникла необходимость в библиографическом учете переводов его произведений, а также литературы о нем. Перечень переводов появился уже в 1903 г. в «Антологии русской литературы», составленной Лео Винером ¹²². К книге Гетмана «Тургенев в Англии и Америке» приложена обстоятельно составленная библиография, включающая 229 записей (переводы — 86; литература о Тургеневе — 143) и завершающаяся 1936 г.

В рассматриваемый нами период вышли два общих библиографических справочника по русской литературе, в которых Тургеневу отведены специальные разделы. Это американский библиографический словарь В. Сноу «Русские писатели» (1946) ¹²³, охватывающий период от второй половины XVIII в. до 1917 г., и «Русская литература, театр и искусство. Библиография произведений на английском языке, опубликованных с 1900 по 1945 г.», составленная в Англии А. Эттингером и Дж. М. Гладстон ¹²⁴.

Однако эти пособия не давали полной информации о Тургеневе, в библиографии же Гетмана имеются пропуски, к тому же к 50-м годам она значительно устарела. Поэтому в 1958 г. в связи с 75-летием со дня смерти Тургенева в Нью-Йоркской публичной библиотеке было предпринято составление библиографического указателя «Тургенев на английском языке». Работа эта затянулась, и указатель был издан только в 1962 г. ¹²⁵ Составители его: Рисса Яхнин и Дэвид Стэм. В качестве введения помещена статья М. Слонима «Новая встреча с Тургеневым», которая цитировалась нами выше ¹²⁶.

Указатель доходит до 1961 г. и включает 582 номера, из них 308 относятся к переводам произведений Тургенева и 274 — к литературе о нем. Первая часть — «Произведения Тургенева», состоит из разделов: «Собрания сочинений» (который в свою очередь подразделяется на «Сочинения» и «Избранные повести и пьесы»), «Отдельные публикации» и «Статьи, повести и стихотворения, опубликованные в антологиях и периодических изданиях».

Во вторую часть включены не только статьи и книги, посвященные непосредственно Тургеневу, но также общие работы по истории русской литературы и русской общественной мысли, в которых говорится о нем.

Однако, несмотря на тщательную работу, сделанную составителями, которые обследовали каталоги и собрания Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, Нью-Йоркской публичной библиотеки, Библиотеки Британского музея, а также библиотек нескольких американских университетов и благодаря этому выявили десятки ранее не учтенных публикаций, указатель все же не является исчерпывающим. Достаточно сказать, что в перечне литературы, соответствующей теме настоящего обзора, отсутствуют не только написанные по-английски исследования шведских ученых, но также и ряд работ, принадлежащих английским и американским авторам ¹²⁷.

Неполнота указателя усугубляется еще и тем, что составители его отказались от полного учета рецензий на переводы произведений Тургенева и книги о нем, выпедшие в XX в.

И все же, несмотря на эти досадные пробелы, справочник «Тургенев на английском языке» является весьма полезным пособием ¹²⁸. Теперь, после его выхода, стало возможным представить себе ту поистине широкую популярность, которой пользуется писатель в странах английского языка ¹²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Photographs from Russian Life». — «Fraser's Magazine», 1854, v. L, p. 209—222. — История восприятия Тургенева в Англии и США посвящено исследование: Royal A. G e t t m a n. *Turgenev in England and America*. Urbana, The University of Illinois Press, 1941. Гетман доводит изложение до 1937 г. Сведения, относящиеся к XIX в., см. также: М. П. А л е к с е е в. Мировое значение «Записок охотника». — В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 86—103; перепеч.: Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей. Пособие для учителя. М., 1959, стр. 69—140.

² «The Children of the Czar»; «More Children of the Czar»; «Nothing Like Russian Leather»; «A Russian Singing Match». — «Household Words», 1855, v. XI, p. 108—114, 227—232, 286—288; v. XII, p. 402—405.

³ *Russian Life in the Interior, or the Experiences of a Sportsman*. By Ivan T o u r g h e n i e f f of Moscow. Edited by James D. Meiklejohn. Edinburgh, 1855 (перевод был сделан с плохого французского перевода Э. Шарьера).

⁴ Ivan T u r g u e n i e f. *Liza*. Translated from the Russian by W. R. S. Ralston. 2 vols. London, 1869 (перевод впоследствии перепечатывался).

⁵ I. T o u r g i e n e f f. *On the Eve*. Translated from the Russian by C. E. Turner. London, 1871.

⁶ «The Works of Ivan Sergueevitch Turgenev». — «British Quarterly Review», v. L, 1869, p. 423—447.

⁷ I. S. T o u r g é n i e f. *Virgin Soil*. Translated by Ashton W. Dilke. London, 1878.

⁸ W. R. S. R a l s t o n. *Russian Revolutionary Literature*. — «Nineteenth Century», 1877, v. I, p. 397—416; <П. П. Л а в р о в.> «Nov». By Ivan Tourguénief. — «The Athenaeum», 1877, February 17, № 2573, p. 217—218 (текст перепеч. в настоящ. томе, стр. 197—206); «Russia and Nihilism in the Novels of Tourguénev». — «Blackwood's Magazine», 1880, v. CXVII, p. 623—647; C. E. T u r n e r. *Tourgenieff's Novels as Interpreting the Political Movement in Russia*. — «Macmillan's Magazine», 1882, v. XLV, p. 471—486.

⁹ См. Д.-С.-Г. Симмонс. Тургенев и Оксфорд. — В кн.: «Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева». М. — Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 392—398. О пребывании писателя в Англии см. также: Н. М. Г у т ь я р. Поездки И. С. Тургенева в Англию. — «Известия Кубанского пед. ин-та», Краснодар, 1929, т. II—III, стр. 243—252.

¹⁰ «Athenaeum», 1883, September 8, p. 305.

¹¹ «Academy», 1883, v. XXIV, September 15, p. 179—180.

¹² I. S. T u r g e n e f. *Fathers and Sons*. A Novel. Translated from the Russian with the Approval of the Author by Eugene Schuyler. New York, 1867.

¹³ *The Novels of Ivan T u r g e n e v*. Translated by C. Garnett. 15 vols. London, 1894—1899. См. А. Т о в е. Констанция Гарнет — переводчик и пропагандист русской литературы. — «Русская литература», 1958, № 4, стр. 193—199.

¹⁴ М. П. А л е к с е е в. Мировое значение «Записок охотника». — Сб. «Записки охотника» И. С. Тургенева, стр. 93.

¹⁵ Не имея возможности остановиться здесь подробнее на этих вопросах, отсылаем читателей к упоминавшимся работам Р. Гетмана и М. П. Алексеева. Из советских работ следует назвать также статью: Б. А. Г и л е н с о н. Тургенев в американской критике. — «Учен. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. XLVIII, серия филолог., 1958, стр. 99—107. Ряд существенных сведений содержится в статьях: Л. В. П у м я н с к и й. Тургенев и Запад. — Т. Сб. Орел, 1940, стр. 90—107; Д. Г. Ж а н т и е в а. Эстетические взгляды английских писателей конца XIX — начала XX века и русская классическая литература. — Сб. «Из истории литературных связей XIX века». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 167—226. Об отношении к Тургеневу отдельных писателей см.: Н. И. С а м о х в а л о в. Генри Джеймс. Опыт истолкования творчества. — «Уч. зап. Краснодарского гос. пед. ин-та», вып. XVIII, 1956, стр. 106—129; М. И. В о р о п а н о в а. Д. Голсуорси о русской литературе. (Обзор материалов). — «Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. CXXX, 1958, стр. 171—184; О. Г р и д и н а. Джон Голсуорси и Иван Тургенев. — В сб. «Вопросы славянской филологии», вып. 1. Львов, 1960, стр. 81—89; А. А. Е л и с т р а т о в а. Вильям Дин Гоуэлс и Генри Джеймс. — В сб. «Проблемы истории литературы США». М., изд-во «Наука», 1964, стр. 241—242, 259, 273—276.

¹⁶ John G a l s w o r t h y. *Six Novelists in Profile*. An Address (1924). — В его кн.: *Castles in Spain and other Screeds*. Leipzig, <1928>, p. 178, 180.

¹⁷ J. B. P r i e s t l e y. *Literature and Western Man*. London—Melbourne—Toronto, 1960, p. 245.

¹⁸ «Encyclopaedia Britannica», v. XXII. Chicago — London — Toronto, 1947, p. 585b. Ср.: «Многим английским писателям и читателям русская литература была представлена страницами Тургенева» (Clarence D e c k e r. *Victorian Comment on Rus-*

sian Realism.—«Publications of the Modern Language Association of America», v. LII, N 2, 1937, June, p. 542).

¹⁹ Marc S l o n i m. Turgenev Revisited.—Вступ. статья в кн.: «Turgenev in English». New York, 1962, p. 9.

²⁰ Отметим, в частности, недавно вышедший перевод «Отцов и детей», сделанный Аврил Паймен и, по нашему мнению, превосходящий все предшествующие переводы этого романа: Ivan S. T u r g e n e v. Fathers and Children. Translated by Avril Pyman. Introduction by Nikolay Andreyev. London — New York, 1962. См. статью А. Паймен «Как я переводила Тургенева на английский» (сб. «Мастерство перевода. 1964». М., 1965, стр. 377—392).

²¹ См. рецензии: I. C. T r e w i n. Affairs of the Heart.—«The Illustrated London News», 1949, v. 215, № 5774, p. 956; Eric B e n t l e y. A Great Play Superbly Done.—«New Republic», v. CXXXIV, № 17, 1956, April 23, p. 21—22; Edith O l i v e r. The Theatre.—«The New Yorker», v. XXXIX, 1963, 8 June, p. 126.

²² Cyril B r y n e r. Turgenev and the English-Speaking World.—Three Papers in Slavonic Studies... Vancouver, Canada, 1958, p. 8.—Брайнер учитывал переводы не только на английский, но и на другие языки.

²³ Мы пользовались текущим библиографическим изданием: Cumulative Book Index. A World List of Books in the English Language. New York.—Сведения, сообщаемые этим справочником, не совсем полны: в вышедшей в 1962 г. библиографии «Turgenev in English» указано 57 отдельных изданий произведений писателя за этот период. Но нас в данном случае интересуют не столько абсолютные цифры изданий, сколько отношения между ними.

²⁴ Noel A n n a n. Novelist-Philosophers III: Turgenev.—«Horizon», v. XI, № 63, 1945, March, p. 152.

²⁵ Virginia W o l f. The Novels of Turgenev.—«Yale Review», v. XXIII, 1934, Winter, p. 276—283.

²⁶ Frank H a r r i s. Contemporary Portraits. 4th series. London, 1924, p. 50.

²⁷ Ivan T u r g e n e v. Fathers and Sons. Translated from the Russian by Constance Garnett with a foreword by Sinclair Lewis. New York, 1943, p. V—VI.—Имеется русский перевод этого предисловия, но неточный и содержащий ошибки: «Синклер Льюис о Тургеневе». Сообщение и перевод Б. А. Гиленсона.—«Вопросы литературы», 1958, № 9, стр. 89—91.

²⁸ Avrahm Y a r m o l i n s k y. Turgenev: the Man, His Art and His Age. New York, 1959, p. V.

²⁹ J. B. P r i e s t l e y. Указ. изд., стр. 246.

³⁰ «Turgenev in English», p. 15.

³¹ Далее частично используются материалы нашей статьи «Новейшая зарубежная литература о Тургеневе. (1945—1956)».—«Русская литература», 1958, № 2, стр. 190—204.

³² Henri G r a n j a r d. Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps. Paris, 1954 (перенед.: 1966). Об этой монографии см.: «Вопросы литературы», 1957, № 4, стр. 223—229; «Русская литература», 1958, № 2, стр. 190—192.

³³ Avrahm Y a r m o l i n s k y. Turgenev: the Man, His Art and His Age. London, 1926.

³⁴ W. S. B a i l e y. Turgenev and Tolstoy.—«Anglo-Soviet Journal», v. XXI, № 4, Winter 1960, p. 40.

³⁵ C. B r y n e r. Указ. изд., стр. 18.

³⁶ Donald D a v i e. Turgenev in England, 1850—1950.—Studies in Russian and Polish Literature. In Honor of Wacław Lednicki's Gravenhage, 1962, p. 183.

³⁷ Avrahm Y a r m o l i n s k y. Turgenev: the Man, His Art and His Age. New York, 1959.

³⁸ Myrick L a n d. The Fine Art of Literary Mayhem. A Lively Account of Famous Writers and Their Feuds. New York, 1963, p. 49—69.

³⁹ Цитата из письма Тургенева к А. Ф. Онегину от 2/14 марта 1876 г., которое связано с его конфликтом с Достоевским.

⁴⁰ David M a g a r s h a c k. Turgenev: a Life. London, 1954.

⁴¹ R. A. G e t t m a n. Указ. изд., стр. 181.

⁴² Стремление истолковать автобиографически любое произведение Тургенева приводит иногда Магаршака к нелепым ошибкам. Так, по его мнению, в комедии «Неосторожность» (1843) отразился треугольник Тургенев—Полина Виардо—Луи Виардо. Между тем знакомство писателя с семейством Виардо произошло после написания комедии.

⁴³ H. G i f f o r d. Golden Age of the Russian Novel.—«Anglo-Soviet Journal», v. XV, № 4, Winter 1954/1955, p. 46.

⁴⁴ «Turgenev's Literary Reminiscences and Autobiographical Fragments». Translated with an introduction by David Magarshack and with an Essay on Turgenev by Edmund Wilson. London, 1958.

⁴⁵ Edmund W i l s o n. Turgenev and the Life-Giving Drop.—«The New Yorker», 1957, October 19, p. 163—216.

⁴⁶ Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину.— «Нива», 1884, № 4, стр. 92 (эту сказку Тургенев рассказал детям Полонского).

⁴⁷ В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева.— «Вестник Европы» 1884, № 11, стр. 72—124; № 12, стр. 569—631.— Только недавно эти воспоминания были переизданы (Тула, 1961).

⁴⁸ V. N. Zhitova. The Turgenev Family. Translated by A. S. Mills. Introduction by Meyendorff. London, 1947; New York, 1954.

⁴⁹ «Turgenev's Literary Reminiscences...», p. 30.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Marc Slonim. The Epic of Russian Literature. From its Origins through Tolstoy. New York, 1950, p. 250—274; Marc Slonim. An Outline of Russian Literature. London — New York — Toronto, 1958, p. 89—98.

⁵² Helen Muchnic. An Introduction to Russian Literature. Garden City, New York, 1947, p. 125—149.

⁵³ Janko Lavrin. From Pushkin to Mayakovsky, a Study in the Evolution of a Literature. London, 1948, p. 104—122.

⁵⁴ Beatrice Saunders. Portraits of Genius. London, 1959, p. 168—178.

⁵⁵ Richard Hare. Portraits of Russian Personalities between Reform and Revolution. London — New York — Toronto, 1959, p. 68—103.— Хайр также посвятил Тургеневу главу в книге: «Russian Literature from Pushkin to the Present Day» (London, 1947, p. 63—77), оставшейся нам недоступной.

⁵⁶ Nicholas N. Sergievski. The Tragedy of a Great Love: Turgenev and Pauline Viardot.— «American Slavic and East European Review», v. V, № 14-15, 1946, November, p. 55—71.

⁵⁷ Sergei Bertensson. Turgenev and Savina.— «American Slavic and East European Review», v. XVII, № 4, 1958, December, p. 530—533.

⁵⁸ Michael Ginsburg. Koni and his Contemporaries: Authors.— «Indiana Slavic Studies» (Bloomington, Ind.), v. I, 1956, p. 53—95 (о Тургеневе — p. 57—60).

⁵⁹ Isaiah Berlin. An Episode in the Life of Ivan Turgenev.— «The London Magazine», v. IV, № 7, 1957, July, p. 14—24.

⁶⁰ I. S. Turgenev. Fire at Sea.— «The Reporter», v. XVIII, № 4, 1958, February 20, p. 31—34.

⁶¹ A. E. Carter. Tourgueneff's New Year's Greeting to Flaubert.— «Modern Language Notes», v. LXIV, № 2, 1949, February, p. 115.

⁶² Harry Hershkovitz. Democratic Ideas in Turgenev's Works. New York, 1932.

⁶³ Подробнее о книге Гершковитца — см. в статье: Б. А. Гиленсон. Тургенев в американской критике, стр. 105—106.

⁶⁴ Richard Freeborn. Turgenev: the Novelist's Novelist. A Study. London, Oxford University Press, 1960.

⁶⁵ Цит. по кн.: R. A. Gethmann. Turgenev in England and America, p. 131.

⁶⁶ R. Freeborn. Указ. изд., стр. XII.

⁶⁷ Выражение «the beautiful genius» по отношению к Тургеневу принадлежит тоже Генри Джеймсу. По свидетельству Форда Мадокса Форда, Джеймс назвал русского писателя: «единственный поистине прекрасный гений» (цит. по кн.: R. Freeborn. Указ. изд., стр. 179).

⁶⁸ См. критику книги Фриборна в статье: А. Григорьев. Накануне V съезда славистов. (Изучение русской классической литературы за рубежом после IV Международного съезда славистов).— «Русская литература», 1963, № 1, стр. 192—193.

⁶⁹ Henry Gifford. The Hero of His Time. A Theme in Russian Literature. London, 1950 (о Тургеневе — стр. 141—148, 158—176).

⁷⁰ Irving Howe. Turgenev: the Virtues of Hesitation.— «Hudson Review» (New York), v. VIII, № 4, 1956, p. 533—551.

⁷¹ Irving Howe. Politics and the Novel. New York, 1957 (Ch. 5. Turgenev. The Politics of Hesitation — p. 114—138).

⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

⁷³ Lionel Kochan. Russian History in Turgenev's Novels.— «History Today», v. XIV, № 1, 1964, January, p. 25—33.

⁷⁴ Ralph E. Matlaw. Turgenev's Art in «Spring Torrents».— «The Slavonic and East European Review», v. XXXV, № 84, 1956, p. 157—171.

⁷⁵ Ralph E. Matlaw. Turgenev's Novels; Civic Responsibility and Literary Predilection.— «Harvard Slavic Studies», v. IV. «Russian Thought and Politics», 1957, p. 249—262.

⁷⁶ Lord David Cecil. Turgenev.— «Fortnightly», v. CLXIV, 1948, p. 42—49; перепеч.: «Virginia Quarterly Review», v. XXIV, 1948, p. 591—601. Статья включена в книгу очерков критика: «Poets and Story-Tellers; a Book of critical Essays» (London, 1949, p. 123—138).

⁷⁷ Alfred Kazin. The Un-Russian Russians.— «New York Times Book Review», 1950, March 12.— Нам осталась недоступной другая статья Кейзина «Turgenev and

the Non-Russians», вошедшая в его сборник «The Inmost Leaf» (New York, 1955). Впрочем, возможно, что это та же самая статья, только напечатанная под измененным заглавием.

⁷⁸ Waclaw Lednicki. «The Nest of Gentlefolk» and «Poetry of Marriage and the Hearth». — «The American Slavic and East European Review», v. V, № 14-15, 1946, p. 72—98; Waclaw Lednicki. Bits of Table Talk on Pushkin, Mickiewicz, Goethe, Turgenew and Sienkiewicz. — «The Hague», 1956, p. 60—86. Первоначальный вариант статьи был напечатан в Польше еще до второй мировой войны: «Gniazdo szlacheckie» а «Poezja małżeństwa i domu». — «Puszkina 1837—1937». Kraków, 1939, str. 363—386.

⁷⁹ Charles Morgan. Turgenew's Treatment of a Love Story. — «Essays by Divers Hands, being the Transactions of the Royal Society of Literature of the United Kingdom», new series, v. XXV. London, 1950, p. 102—119.

⁸⁰ Nina Brodiansky. Turgenew's Short Stories. A Revaluation. — «The Slavonic and East European Review», v. XXXII, № 78, 1953, p. 70—91.

⁸¹ Peter Nathan. Retreat from Reason. An Essay on the Intellectual Life of Our Time. London — Melbourne — Toronto, 1955 (о Тургене — p. 104—109).

⁸² Sister Consolata Delaney. Turgenew's Sportsman: Experiment in Unity. — «The Slavic and East European Journal», v. VIII, № 1, 1964, p. 17—25.

⁸³ Joseph L. Conrad. Turgenew's «Asja»: an Analysis. — «The Slavic and East European Journal», v. VIII, № 4, 1964, p. 391—400.

⁸⁴ Dorothy Brewster. East-West Passage. A Study in Literary Relationships. London, 1954 (Turgenew, I. S. — по указателю). См. рецензию: А. И. Старцев. Русские классики за рубежом. — «Литературная газета», 1955, № 109, 13 сентября.

⁸⁵ Gilbert Phelps. The Russian Novel in English Fiction. London, 1956 (Тургеневу посвящены главы: III. «A Nest of Gentlefolk at Six Mile Bottom»; IV. «A Nest of Gentlefolk at Cambridge, Massachusetts»; V. «The Beautiful Genius»; VI. «The Novelists' Novelists»; VII. «The Novelists' Novelist and Mrs. Brown»). См. Д. Г. Жантиева. Книга о русско-английских литературных связях. — «Вопросы литературы», 1957, № 3, стр. 228—233.

⁸⁶ Cyril Bryner. Turgenew and the English-Speaking World. — Three Papers in Slavonic Studies Presented at the Fourth International Congress of Slavists Held in Moscow, USSR, 1958. Vancouver, Canada, 1958, p. 3—19. См. резюме доклада: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 367—368.

⁸⁷ См. выступление А. Г. Цейтлина. — «IV Международный съезд славистов...», стр. 372—374.

⁸⁸ Donald Davie. Turgenew in England, 1850—1950. — Studies in Russian and Polish Literature. In Honor of Waclaw Lednicki's Gravenhage, 1962, p. 168—184.

⁸⁹ Harold Orel. English Critics and the Russian Novel, 1850—1917. — «The Slavonic and East European Review», v. XXXIII, № 81, 1955, p. 457—469.

⁹⁰ Daniel Lerner. The Influence of Turgenew on Henry James. — «The Slavonic and East European Review», v. XX, № 1, 1941, p. 28—54.

⁹¹ Viola R. Dunbar. The Problem in «Roderick Hudson». — «Modern Language Notes», v. LXII, № 2, 1952, p. 109—113.

⁹² Oscar Cargill. «The Princess Casamassima»: a Critical Reappraisal. — «Publications of Modern Language Association of America», v. LXXI, № 1, 1956, p. 97—117.

⁹³ Eunice C. Hamilton. Henry James's *The Princess Casamassima* and Ivan Turgenew's *Virgin Soil*. — «The South Atlantic Quarterly», v. LXI, № 3, 1962, Summer, p. 354—364.

⁹⁴ Henry James. Ivan Turgenef's New Novel. — «Nation», v. XXIV, № 617, 1877, April 26, p. 252—253.

⁹⁵ Oscar Cargill. The First International Novel. — «Publications of Modern Language Association of America», v. LXXIII, № 4, 1958, p. 418—425. — Впоследствии материалы названных статей Каргила вошли в его книгу «The Novels of Henry James» (New York, 1961, p. 51—52, 146—149). Критику взглядов Каргила — см. в упомянутой выше (прим. 15) статье А. А. Елистратовой.

⁹⁶ Lars Ahnebrink. The Beginnings of Naturalism in American Fiction. A Study of the Works of Hamlin Garland, Stephen Crane and Frank Norris with special reference of some European influences (1891—1903). Upsala—Cambridge, Massachusetts, 1950 (Chapter XII. «The Influence of Turgenew», p. 315—342). Переиздано: New York, 1961.

⁹⁷ Olov W. Fryckstedt. In Quest of America. A Study of Howells' Early Development as a Novelist. Upsala, 1958 (Ch. XI. «The Lesson of Turgenew»; Ch. XII. «Turgenew: „A Just Man's Experience of Men“», p. 162—191). См. Б. А. Гиленсон. Новые работы о Гюэлле. — «Вопросы литературы», 1961, № 7, стр. 224—225.

⁹⁸ Jack A. Posin. «A Sportsman's Sketches» by Turgenew versus «Uncle Tom's Cabin» by Beecher Stowe: A study of understatement. — В кн.: «Comparative literature. Proceedings of the Second congress of the International comparative literature association», v. II. Chapel Hill, 1959, p. 455—462.

⁹⁹ Albert Kaspin. «Uncle Tom's cabin» and «Uncle» Akim's Inn: More of Harriet

- Beecher Stowe and Turgenev. — «The Slavic and East European Journal», v. IX, № 1, Spring 1965, p. 47—55.
- ¹⁰⁰ Richard George Kappeler. Turgenev and the French (1960) — см. «Turgenev in English». New York, 1962, p. 42 (№ 581).
- ¹⁰¹ A. B. Murphy. The Influence of Flaubert on Turgenev. London, 1955. Сообщено: Theses and Dissertations. London, 1956, p. 9.
- ¹⁰² F. W. J. Hemmings. The Russian Novel in France. 1884—1914. London, 1950.
- ¹⁰³ Oscar Mandel. Molière and Turgenev: the Literature of No-Judgement. — «Comparative Literature», v. XI, № 3, 1959, p. 233—249.
- ¹⁰⁴ T. J. Reed. Mann and Turgenev. A First Love. — «German Life and Letters», v. XVII, № 4, 1964, July, p. 313—318.
- ¹⁰⁵ Milton Hindus. The Duels in Mann and Turgenev. — «Comparative Literature», v. XI, № 4, 1959, p. 308—312.
- ¹⁰⁶ Seymour Lainoff. The Country Doctors of Kafka and Turgenev. — «Symposium», v. XVI, № 2, 1962, p. 130—135.
- ¹⁰⁷ Charles E. Passage. The Russian Hoffmannists. The Hague, 1963, p. 192—194.
- ¹⁰⁸ E. D. Goy. The Attitude of the Serbs to Turgenev's Works in the 19th Century. — «The Slavonic and East European Review», v. XXXVI, № 86, 1957, p. 123—149.
- ¹⁰⁹ William B. Edgerton. The Penetration of Nineteenth-Century Russian Literature into the Other Slavic Countries. — American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, Sofia, 1963. The Hague, 1963, p. 41—78 (о Тургеневе — стр. 47—59).
- ¹¹⁰ Z. Folejewski. Turgenev and Prus. — «The Slavonic and East European Review», v. XXIX, № 72, 1950, p. 132—138.
- ¹¹¹ Channcey E. Finch. Turgenev as a Student of the Classics. — «The Classical Journal» (Evanston), v. XLIX, № 3, 1953, p. 117—122.
- ¹¹² Jean Seznec. Lettres de Tourguéneff à Henry James. — «Comparative Literature», v. I, № 3, 1949, Summer, p. 193—209.
- ¹¹³ Walter A. Strauss. Turgenev in the Role of Publicity Agent for Flaubert's «La Tentation de Saint Antoine». — «Harvard Library Bulletin», v. II, № 3, 1948, p. 405—410.
- ¹¹⁴ Ralph E. Matlaw. A New Letter of Turgenev. — Там же, v. XII, № 2, 1958, p. 268—270.
- ¹¹⁵ Дм. Чижевский. Записки и письма И. С. Тургенева к М. А. и Н. А. Милютиным. — «Русский литературный архив». Под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956, стр. 82—132. До этого напечатано сообщение: Dmitrij Cizevsky. Manuscripts of Dostoevsky and Turgenev at Harvard. — «Harvard Library Bulletin», v. IX, № 3, 1955, p. 410—415.
- ¹¹⁶ М. А. Стиль (Милютина). Иван Сергеевич Тургенев в записках и письмах к М. А. и Н. А. Милютиным. 1867—1875 гг. — «Русская старина», 1884, № 1, стр. 175—194.
- ¹¹⁷ I. de Vries-de Gunzburg. Some Letters of Ivan Turgenev to Baron Horace de Gunzburg, 1877—83. — «Oxford Slavonic Papers», v. IX, 1960, p. 73—103.
- ¹¹⁸ A. Jarmolinsky. Turgenev..., 1959, p. 342.
- ¹¹⁹ Una Pore-Hennessy. The Gad's Hill Library. — «The Dickensian», v. XLI, № 274, 1945, p. 61. — Текст надписи воспроизведен в статье М. П. Алексеева «Мировое значение „Записок охотника“». — Сб. «Записки охотника» И. С. Тургенева, стр. 90.
- ¹²⁰ «Turgenev's Letters». A Selection Edited and Translated from the Russian, French and German Originals by Edgar H. Lehrman. New York, 1961.
- ¹²¹ См. «Russian Review», v. XX, № 4, 1961, October, p. 365—367 (Jack A. Posin).
- ¹²² «Anthology of Russian Literature». Edited by Leo Wiener. New York, 1903, p. 281—282.
- ¹²³ Valentine Snow. Russian Writers; a Bio-bibliographical dictionary. From the Age of Catherine II to the October Revolution of 1917, v. I. New York, 1946, p. 197—202.
- ¹²⁴ Amrei Ettlinger and Joan M. Gladstone. Russian Literature, Theatre and Art. A Bibliography of Works in English, published 1900—1945. London, 1947, p. 86—88.
- ¹²⁵ «Turgenev in English. A Checklist of Works by and about Him». Compiled by Rissa Yachnin and David H. Stam. With an Introductory Essay by Marc Slonim. New York, 1962.
- ¹²⁶ Статья Слонима была первоначально напечатана в журнале: «Bulletin of the New York Public Library», v. LXV, № 9, 1961, November, p. 570—576.
- ¹²⁷ В частности, в указателе не учтены рассмотренные в настоящем обзоре статьи В. Дунбар (см. выше прим. 91), Дж. Позина (прим. 98), Ч. Финча (прим. 111), очерк в книге Б. Сондерс (прим. 54), первая английская публикация статьи В. Ледницкого (прим. 78), перепечатка статьи И. Хау (прим. 71) и др.

¹²⁸ Более подробный разбор библиографии «Тургенев на английском языке» см. в нашей рецензии: «Русская литература», 1965, № 2, стр. 250—254.

¹²⁹ При составлении настоящего обзора ряд работ о Тургеневе, написанных в Англии и Америке, остался нам недоступным. В их числе: George H a l p e r i n. Tolstoy, Dostoevski, Tourgenov. The Three Great Men in Russia's World of Literature. Chicago, 1946; William Henry C h a m b e r l i n. Turgenev: the Eternal Romantic. — «Russian Review», v. V, № 2, 1946, p. 10—23; David F o o t m a n. Turgenev rediscovered. — «Listener», v. XLV, 1951, April 5, p. 546—547; David G a r n e t t. Turgenev, Madame Viardot and «A Month in the Country». — «Adelphi», v. XXVII, № 4, 1951, p. 346—350; Quixotic Hamlet. — «MD, Medical News Magazine», v. V, № 2, 1961, February, p. 180—191; Zbigniew F o l e j e w s k i. The Recent Storm around Turgenev as a Point in Soviet Aesthetics. — «The Slavic and East European Journal», v. VI, № 1, 1962, p. 21—27. Наименее полно представлены работы 1960-х гг. Не рассматривалась статья: A. W a l i c k i. Turgenev and Schopenhauer. — «Oxford Slavonic Papers», v. X, 1962, p. 1—17, поскольку автор ее — польский ученый, профессор Варшавского университета, и первоначально в более полном виде она публиковалась под заглавием: «O „schopenhaueryzmie“ Turgieniewa» — в кн. A. W a l i c k i. Osobowość a historia. Warszawa, 1959, str. 278—354.